

АМИТА СКАИ

ДЕВЯТЬ
ЖИЗНЕЙ
ДО
РАССВЕТА

18+

Амита Скай

Девять жизней до рассвета

<https://litres.ru/73136203>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда, чтобы спастись от одного монстра, нужно шагнуть в объятия других. Влада бежала от прошлого, но попала в мир, где время замерло, а лес полон древних теней. Это история не о спасении, а о перерождении. Сможет ли она сохранить себя, когда цена выживания забвение всего человеческого?

Погрузитесь в атмосферу темного фэнтези, где живая вода исцеляет мертвых, а любовь пахнет кровью и снегом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	48
Глава 9	53
Глава 10	66
Глава 11	75
Глава 12	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Амита Скай

Девять жизней до рассвета

Глава 1

Более неподходящих мыслей в данную минуту, придумать трудно, но в голове крутился образ стремительно мчащихся куда-то белых волков. Стая неслась по белоснежному полотну заснеженной пустыни, где горизонт размывали крупные хлопья снега. Волчья стая неслась куда-то так же быстро, как я летела по автомобильной магистрали. На мокром асфальте расплывались лучи равнодушных фонарей. Я видела их так же ясно и ярко, как и волков из своей головы. Тряхнув головой, я на мгновение зажмурилась, пытаюсь угомонить не вовремя разыгравшуюся фантазию.

Удивительно, но уже не в первый раз я замечаю, что в минуты серьезной опасности, вместо того, чтобы максимально собраться и сконцентрироваться на ситуации, я проваливаюсь в какие-то второстепенные мысли, отвлекающие оттого, что происходит в данный момент, а стоило бы все же вытянуть себя за шкуру из фантазий, потому что за мной по автостраде мчался озверевший бывший муж. Хотя формальная точка в нашем разводе не поставлена и, наверное, не будет поставлена никогда, потому что будет пунктирная линия

между датами моего рождения и смерти.

От последней мысли по спине пробежал холодок, и я крепче сжала руль, смотря в зеркало дальнего вида, кажется, оторвалась от него. Прикрыв на мгновение глаза, я выдохнула, сердце немного успокоилось и я, наконец, почувствовала боль в плече, за которое он меня сегодня схватил, легкую пульсацию в затылке, где он меня тянул за волосы и ноющую боль в руке, ею я отвесила ему очередную оплеуху.

Стоит, наконец, признать, что мы все же друг друга, стояли, хотя поначалу мне казалось, это совсем не так. Поначалу я вообще не понимала, что он за человек. Господи, сколько же глупостей я наделала, хотелось постучаться лбом об руль, но я летела по автостраде с такой скоростью, что лучше было не делать глупостей, тем более я и так унося ноги от него, сама не знаю, на какую дорогу вырулила.

Рев гнева заглушил голос благоразумия, и я натворила столько глупостей, но самой большой глупостью было дать ему шанс, хотя я его не дала, он его вытащил из меня, глупостью было закрывать глаза на то, что я старалась не замечать, надеясь, что все это как-то потом разрулится и рассосется. Это, пожалуй, моя главная оплошность, все остальное стало лишь ее последствием.

- Господи, какая ж дура...какая ж дура... - По еще горячей после его пощечины щеке пробежала слеза. Несколько лет назад, унося от него ноги в первый раз, я еще не разрешала себе плакать. Он топтался по моему самолюбию, и я

не могла позволить слезам сделать то же самое. Скрипела зубами, кусала губы, но не плакала, теперь мне уже все равно, я так устала, последние четыре года были настолько тяжелыми, что у меня просто не было сил на все эти глупости и барьеры. Последние четыре года, содрали с меня не только щиты, но и кожу вместе с ними, и теперь худший из кошмаров вновь стучался в мою жизнь. Он пытался вернуть мою жизнь в свою, чтобы мы вдвоем горели в его адском котле. Синяя Борода и я его жена, которая станет первой из тех, что окажутся в его жутком подвале.

При мыслях о нем руки снова мелко задрожали, уж лучше подумать о волках, которые все продолжали бежать в снежной пустыне, у них так же, как и у меня, стремительно наступала ночь, я неслась сама, не зная, куда, просто прыгнула в машину, когда удалось вывернуться из его хватки и выбежать из номера гостиницы, которую сняла вчера. Хорошо, что ключи от машины оказались в кармане. Прыгнула в салон, завела машину и вырулила с парковки, чуть не придавив выбежавшего следом муженька. В последний момент он отскочил, включил всё-таки благоразумие. Оно у нас с ним одно на двоих, то у него включается, у меня выключается, то наоборот... гармония прям, но если отставить шутки в сторону, то я не ожидала, что он заявится. Почти четыре года прошло, мне казалось, что все уже травой поросло. Сколько можно, в конце концов, отравлять друг другу жизнь.

Хотя стóит признать, что гостиницу эту на отшибе я сни-

мала как раз, потому что вероятность его появления все же была. Хорошо, что все важные вещи, включая ноутбук, на который я копила почти год, остались в машине, очень жаль было бы убежать из номера и оставить это все там. А так там остались, получается кое-какие личные вещи, почти дочитанный Моэм и ежедневник...

При мысли о последнем пробил холодный пот. Помимо того, что на страничках куча рисунков Артема, я иногда пишу ему свой ежедневник с ручкой, чтобы он в нем почирикал, пока я занята и не могу отвлечься, так помимо рисунков, я перед поездкой сюда делала документы сыну и фотку его на них в трех экземплярах, она же у меня в ежедневнике, в конверте. Если Влад откроет ежедневник и додумается залезть в конверт, то он точно найдет фотки. Все внутри жглось. Нет, не нужно бояться. Он не узнает. Подумаешь фотка. Мало ли чья... хотя Артем вылитый Влад... почти полная ксерокопия, разве что волосы светлее. Идиотом надо быть, чтобы не догадаться кто это, а уж кем-кем, а идиотом Влад никогда не был.

Пока грудь стягивал корсет паники, на землю опустилась ночь, а на дороге, по которой я неслась, не горел ни один фонарь. Стиснув руль в руках крепче, я вглядывалась в дорогу. Нужно собраться и выбросить все из головы, я за рулем. Дома ждет сын, а на улице темень непроглядная, да ещё ехала я по дороге вдоль леса, ни одной заправки или дома, не одного горящего фонаря, только редкие машины, мчавшиеся

навстречу и слепившие фарами глаза.

В голову настойчиво стучались мысли о нем. О нашей встрече спустя столько времени, чтобы прогнать их, я набрала маму, стоило её предупредить, что я приеду раньше. Вопрос с документами, ради которых мне пришлось вернуться в этот город, придется отложить. Собравшись с духом, я набрала маме и в двух словах описала ситуацию. Она, конечно, испугалась, но я успокоила ее тем, что уже все в порядке и я еду домой. Капризничавший Артем, требовавший меня домой, вот прямо сейчас, помог нам с мамой меньше думать о проблемах и больше о нем. Пришлось пообещать сыну в качестве награды и компенсации за хорошее поведение и свое отсутствие, машинку и банку кукурузы консервированной (его особая слабость).

После звонка стало легче, словно пружина где-то внутри расслабилась, и хотя я поглядывала в зеркало заднего видения, переживая, не появится ли снова его машина где-то за моей, но время шло и его не было, а я уносилась в своих мыслях в завтрашний день. В другую жизнь, где нет Влада, где раны в сердце почти затянулись и мне уже не больно, но невольно в голове крутились короткая встреча в номере. Он все такой же... высокий, безупречно одетый, холодный и поглощающий. По спине пробежали мурашки, словно бы и не было этих четырех лет, меня на мгновение телепортировало, на четыре года назад в черную дыру наших отношений, высосавших из меня все.

Тряхнув головой, я отогнала мысли и, включив заезженный, но любимый плейлист, постаралась выкинуть его из своей головы, из сердца и наступающего дня. К счастью, мне хватило сил выкинуть его из своей жизни уже давно.

Поплутав по незнакомой дороге и настроив наконец навигатор, я выехала на знакомую трассу. Тут уже было не так темно, и вдоль дороги тянулись бескрайние поля с редкой лесополосой. Позвонила мучающаяся бессонницей подруга, и мы протрещали с ней почти час. С кем-то на проводе не так страшно было мчаться ночью по дороге, но Ленка раззевалась и ушла спать, посоветовав мне снять гостиницу на трассе и не испытывать судьбу.

Стоило бы прислушаться к ее совету, но теперь уже об этом поздно думать. Повесив трубку, я сбросила немного скорость, а потом и вовсе остановилась около заправки, купила себе крепкий кофе, чтобы не заснуть, и банку кукурузы. Все же придется за машинкой куда-то заезжать. Зашла в туалет, умылась там ледяной водой и забрав свой кофе, вернулась в машинку.

Кофе взбудрил немного, трасса, если не считать редких фур была почти пустой, потому вдавив педаль газа, я набрала скорость. Очень хотелось домой, чтобы побыстрее обнять сына, вдохнуть теплый запах его волос и забыть обо всем, что случилось уже вчерашним вечером. В голове продолжала крутиться волчья стая, видение было настолько реальным, что я видела то их пружинящие о сне лапы, то белую шку-

ру, с которой слетал снег. Они мчались вдоль дороге по такому же огромному полю, как те, что находились по бокам от трассы, на которой, ехала я. Забавы ради я давала этому видению быть, и меня переключало с разных ракурсов, так, словно бы я сама была в этой стае, и все это было милой забавой, пока с первыми лучами зари мне не показалось, что я действительно увидела в поле волков.

От неожиданности я дернулась, машина вильнула, но я удержала руль. Выругавшись, я шикнула на себя, за свою фантазию неумную и сжав покрепче руль, немного сбросила скорость, но взгляд как приклеенный тянуло посмотреть вбок.

Вдруг не показалось.

Я обернулась. Волки.

Отвернулась. Не может быть.

Снова обернулась.

Действительно, несется белая стая, почти вровень с моей машиной.

На сердце словно ладонью надавили. Они прям такие, как из моей головы! В груди похолодело, я прибавила газ, снова повернулась в их сторону, мне показалось, что они словно бы сделали небольшой крен в мою сторону, а когда я обернулась на дорогу, перед самой машиной мелькнуло, что-то светлое. Удар был недостаточно сильный, чтобы машина перевернулась, но достаточно сильный, чтобы я не справилась с управлением и неудачно слетела с дороги, ухнув в канаву,

где машина уперлась бампером в склон и перевернулась.

Никаких подушек безопасности у меня не было, я даже не пристегнулась, возможно, поэтому я оказалась не земле среди волков. Одна картинка накладывалась на другую. Веки словно щелкали кадры: снег, окружившие меня волки, земля, высохшая трава, наряженная инеем, и моя красная машина среди всей этой белоснежной красоты. Влажный волчий коснулся виска. У дороги резко остановился знакомый мерседес. В расплывающейся картинке, мне сначала показалось, что это ворона, но это был Влад, в своем черном распахнутом пальто мчался ко мне. Я узнала его голос, но разглядеть его уже не вышло. Я не могла вдохнуть. Он что-то взволнованно говорил, но его голос заглушал волчий вой, который с каждым мгновением я слышала все лучше.

Глава 2

Сознание возвращалось короткими эпизодами, меня покачивало как на волне, я приоткрывала глаза, пространство серебристо-серое мутное и не яркое всплывало перед глазами, но я ничего не могла разглядеть, а при попытке взглянуться, стоило напрячься, как меня снова в себя утягивала чернота, полнота и всеобъемлемость которая заставляла потеряться в ней и между короткими вспышками света, казалось, проходила вечность. Пока, наконец, не стало холодно и зябко, тогда впервые я почувствовала какие-то телесные ощущения. Боль и слабость, холод, а еще мокрые волчьи носы и шершавые языки, иногда касавшиеся то моего лица, то плеча.

Я поняла, что до этого была на ком-то из них, но теперь, по ощущениям, я была на ледяном камне, в центре обдуваемой всеми ветрами ледяной пустыни. Волки бегали кругами вокруг алтаря, а единственное, что я могла это чувствовать агонию своего умирающего слабого тела. Меня трясло и лихорадило, в ушах стоял гул и вой. В какой-то момент стало так больно, что вместо того, чтобы сжаться в позу эмбриона, как мне хотелось изначально, я выпрямилась вытянувшись стрункой и, не выдержав больше этой боли, закричала. Мир снова померк и схлопнулся, словно кто-то с размаху ударил меня по ушам, оглушая и разрывая барабанные перепонки.

Все остановилось.

Тьма и полнейшее ничто.

Тут не было времени, меня и чего-нибудь еще, что можно завернуть хоть в какое-то словесное понятие, но этим и было прекрасно это ничто.

А потом появился тихий стук пульса. Хотелось отвернуться, отдалиться от его навязчивого ритма, но там, где нет пространства, некуда отдаляться или приближаться, негде спрятаться и скрыться, когда нечего прятать и скрывать, тебя просто выдирают из тебя же самой, какую-то часть тебя и утягивают в какую-то другую плоскость существования, где появляются образы и мысли. Первым появился Артем, почему-то только сейчас я вспомнила о нем. Сначала я вспомнила имя, и поначалу оно для меня совершенно ничего не значило, а потом, когда я поняла, что стучащий ритм, это стук моего нового сердца, я вспомнила, кто такой Артем, и по щекам побежали горячие слезы, тогда я впервые почувствовала свое лицо. Подтянула к нему руку и коснулась слез, лица и холодной кожи. Я так давно ничего не чувствовала, что совершенно забыла это ощущение, глаза еще ничего не видели, но я все чувствовала и осязала, даже больше, чем могла бы разглядеть глазами. Я чувствовала не только свое тело, иное, не то что умерло на алтаре, но также я ощущала пространство за много миль от меня. Я больше была не в черной пустоте, являющейся источником всего, и я также была не в поле, я лежала на том же полукруглом алтаре, но теперь он

был в лесу и на многие, многие, многие мили отсюда одни лишь деревья да хищное зверье. А рядом со мной мои волки, лежат стаей вокруг меня, и поэтому мне тепло. Я снова закрыла глаза, засыпая, хотя именно эта реальность больше напоминала сон. Слезы еще бежали по щекам, я вспомнила, кто такой Артем, но я не помню, кто такая я, как меня зовут, откуда я и зачем вообще я... сон снова спас меня, от всех этих неудобных мыслей, утянув ненадолго в свои уютные объятия.

Глава 3

Мягкое прикосновение к щеке и белый свет. Холодный, бескрайний. С этого начала материализовываться моя реальность, прогоняя сон. Виска коснулся влажный волчий нос, фыркнув мне негромко в ухо и обдав лицо теплым дыханием, исчез. Крупные хлопья снега медленно спускались с белого, как застиранная простыня неба и щекотали лицо, опускаясь на него и тая. Тишина, волки и я среди них. Хотелось остаться лишь тем, кто смотрит на снег и не чувствует холод, но стая пришла в движение, и тот волк, на чьей спине я лежала, поднялся на ноги, поднимая и меня заодно. Стоило ему оторваться от земли, как я поймала себя на мысли, что волк почему-то размером с лошадку. Иначе, почему я на таком расстоянии от земли и вполне спокойно помещаюсь на его спине? Как только стая перестала липнуть к друг другу, согревая заодно и меня, я поняла наконец, что я полностью голая.

Низкая температура вернула мне телесные ощущения во всей полноте. Кожа покрылась мурашками, застучали зубы. Я вцепилась в волчью шерсть и вжалась в волка, пряча лицо, пока тот набирал скорость, стрелой проносясь меж высоких деревьев, чьи ветви сбили бы меня с его спины, приподнимись я хоть немного. Мощное волчье тело пружинило о землю и на несколько мгновений, до следующего толчка парило

над землей. Почему-то это было так красиво, и почему-то я не думала, больше ни о чем. Я знала, куда они меня несут и что я буду делать, как только спущусь со спины.

Темная, сырая и немного вросшая в землю изба была на прежнем месте. Я знала, где в ней печь и что за печью, лежат тряпки, надеюсь, на них не разжился выводок мышей.

Я думала как человек и думала как волк, переключаясь с одного состояния на другое, так же легко, как переключаются скорости на велосипеде. Мышей там не было. Я это знала. Зашла в избу, волки остались на пороге, один засунул свою огромную морду в покосившуюся дверь, но фыркнув, ушел. Ну да, приятного мало, запах в отсыревшей избе такой себе. Забравшись за печь, нашла плетеный короб, но там оказалась бесполезная труха. На мгновение я озадаченно застыла, а потом вспомнила, что одежда в грубо сколоченном сундуке, стоящем в другой части избы, рядом со столом и лавками. Странно, что он там делает? Должен ведь за печью стоять? Или не должен? Откуда вообще я это знаю? Голова заболела.

Сундук заскрипел так, что меня до костей пробрало, но зато внутри оказался ворох вполне себе целых тряпок. Одни из них простые штаны и широкая кофта, а еще где-то должен быть тулуп и безрукавка. Тулуп висел на крючке у стены, весь в паутине и пыли. Зато сухой, а вот с поиском безрукавки пришлось повозиться, все холодное и сыроватое, но когда получится растопить печь, все высушу и согрею, пока нужно хоть во что-то облачиться.

Что происходило после того, как я оделась, непонятно, но очнувшись я уже на импровизированной лежанке из разного барахла, за остывающей печью, накрытой всеми тряпками, какие нашлись, включая потасканный половик. Голова гудела, а меня знобило, нос заложило, и губы пересохли. Я смотрела на темные бревна и пыталась вспомнить, как я оказалась за печью и как соорудила себе это лежбище, кто вообще ее растопил, и пока я трясла свою память как пустую копилку, с одной-единственной монеткой внутри, меня вдруг озарило, память свалилась на меня словно кирпич на голову, больно и неожиданно. Я вспомнила, кто такой Артем, кем он мне приходится, кто я и что, кажется, я попала в аварию.

Крутящиеся колеса моей машины появились перед глазами как по команде, а еще точно такое же светлое небо, как то под которым я сегодня проснулась. Тогда, кажется, тоже падал снег. Сердце сжалось. Мелькнула глупая надежда, что возможно где-то рядом моя машина, но я добралась сюда голой на волках...однозначно, машина не рядом.

Я не хотела подпускать к себе мысль, о том, что я, вероятно, погибла в аварии. Я отчаянно цеплялась за надежду, ведь я жива, сижу в этом сыром углу, за пыльной печью, но я приехала сюда на волках. Что это, как не агония умирающего мозга? Паника сжимала ледяную руку на моей шее. Мне перестало хватать воздуха. На глаза набежали слезы. Кнутом по нервам прошлась мысль об оставленном с мамой сыне. Неужели я его больше никогда не увижу? Никогда-никогда

больше не обниму?

Боль от этой мысли была настолько сильной, что я сама не поняла, как, сбросив с себя все, чем была накрыта, спотыкаясь, выбралась из-за печи, шлепнулась на колени у самой двери, чувствуя, как толчками вырывается вой из груди. Непереносимость происходящего заставили дернуть дверь на себя и выбежать босиком на улицу. Почему-то я решила, совершенно наивно и по-детски, что как-то добегу до них, ведь не может быть взаправду, весь этот бред, может быть это просто сон? Какие еще, в конце концов, волки? Беспощадная, парадоксальная реальность, вцепилась в меня острыми зубами, когда, промчавшись босиком по сугробам, я забежала в ледяной ручей. Настоящий не воображаемый. Меня вполне по-настоящему колотило от пронизывающего кости холода и раздражающего грудь и горло ледяного воздуха, а единственные, относительно нормальные штаны, стремительно намокали в ледяной воде.

Обратно я возвращалась на деревянных ногах. С одной-единственной мыслью в голове, которую все никак не удавалось переварить, но и оспорить ее было невозможно, потому что она ледяным ковром расстелилась вдоль всего моего пути до дома – это реальность. Это не сон. Это не фантазия. Это реальность, потому что тут очень холодно и плохо, потому что каждый шаг до дома был как наказание. Вытрезвляющее и сбрасывающее в реальность с космической высоты. Не знаю, как я не разбилась, когда приземлилась в

это осознание.

Вернувшись домой, я хотела забраться за печь, зуб на зуб не попадал, но вместо этого открыла дверцу печи и засунула туда полено, за ним еще одно. Мне повезло, под лавкой с противоположной стороны от печи, были плотно утрамбованные поленья. Не представляю, насколько их хватит и кто их тут сложил, а еще как я развела огонь. Главное — не дать ему потухнуть, потому что у меня нет ни единой мысли, как его разводить, если вдруг это случится.

Стянув с ног мокрые штаны и закрыв дверцу, бросила их на полукруглый печной бок, а сама забралась за печь и без сил свалилась на лежанку, укрывшись всем, что там было и кое-что, стянув с печи из того, что уже просохло, на себя. Ледяные ноги замотала отдельно, повернулась набок и прижалась к печи. Стоило замереть неподвижно, как чувства, словно вода в перевернутой вверх дном бутылке пришли в движение. Не знаю, сколько я выла в печной бок, глотая слезы и зовя, то маму, то сына, но в какой-то момент мой истощенный истерикой организм сдался и я, наконец, отключилась.

Глава 4

Рандеву босиком до ручья обошлось мне очень дорого. Несколько раз я просыпалась от собственного голоса. Кажется, звала сына и маму. В какой-то момент стало так плохо, что я подумала, что возможно не проснусь, и эта мысль вызвала не страх, а облегчение. Больше не будет боли и тоски. Я не хочу быть тут и сходить с ума от мысли, как там мой ребенок. Через сколько он начнет тосковать и плакать, звать меня. При мысли о его боли, о том, что ему придется пройти без меня и ни разу больше я не обниму его, мне становилось так плохо, что смерть не казалась чем-то ужасным, тем более мне не впервой умирать.

Метаясь в горячке, я вспомнила, как легко я вылетела из тела, словно ветром сдуло, а потом как стояла среди волков и смотрела на Влада. Точнее, я не смотрела, нечем было смотреть, но я все осязала, так словно бы у меня появился миллион дополнительных рецепторов, воспринимающих любое колебание пространства. Почему-то я напрочь забыла, о том, как попрощалась с ним. Как он бежал от своей машины, на которой сам чуть не слетел с дороги и не закрыв дверь, вывалился из салона, а потом споткнувшись и, не добежав до меня несколько метров, шлепнулся совершенно по-детски, всем телом на землю. Поднялся и снова упал. Будто ноги его не держали.

Никогда, никогда я не видела его таким...таким, растерянным, разбитым, неуклюжим, совершенно беспомощным. Его реакция неожиданной болью отозвалась во всем моем существе и меня застала врасплох совершенно ошеломляющая мысль. Оказывается, после смерти ничего не заканчивается и более того, мы все чувствуем, понимаем, а пронзительная душевная боль становится всеобъемлющей, потому что ее ничем не заглушишь, не заешь, не запьешь, не задавишь, нет больше тела, способного само себя обмануть. Способного хотя бы просто заснуть, хоть на время отключить тебя от боли. Остаешься совершенно беспомощный ты, наедине с трагедией близких, которых ты больше не можешь обнять, поцеловать, утешить, сказать, что все в порядке, вот я живой, просто живой теперь по-другому.

Проснулась я залитая слезами, с воспоминанием, как пыталась обнять тихо воющего надо мной Влада. Человека, которого ненавидела всей душой последние несколько лет. Хотя не знаю, ненависть это была или обида. Теперь я уже ничего не знаю...

Печь слепили явно из того, что нашли в лесу. Круглые камни и между ними глина. Полукруглая и шершавая. Стирая пальцем слезу, я растирала ее по сыпучей печи, оставляя мокрую полоску. Я в детстве так с обоями делала, мама меня наругает, либо в угол поставит, либо спать днем положит, и я лежу, слезы по стене растираю. Причем не по всей, а одну какую-нибудь полоску, пока не сотру обои до катышек,

так и сейчас, сама не заметила, как занялась тем же самым, а когда заметила, ничего с этим делать не стала, все равно некому меня за это ругать. При мысли о том, что некому меня больше ругать, накатила вторая волна, и слезная полоска стала глубже.

Возможно, я бы занималась этим увлекательным занятием весь день, если бы мне не захотелось в туалет. Удивительно, откуда только запасы влаги во мне берутся. Хорошо, что тут не было зеркала, выбираясь из-за печи, мне показалось, что я вполне могла бы кого-нибудь напугать. Всклокоченные волосы торчали во все стороны, грязные еще к тому же, явно опухшее от слез лицо и тощее тело, с впалым животом. Найдя два лаптя, разных размеров почему-то и замотав ноги двумя лоскутами тряпок, я в нетерпении выбежала из избы, в поисках какого-нибудь строения для туалета, должна же быть какая-то кабинка?

Конечно... и кабинка нашлась, и кран с горячей водой, и душ гигиенический, а еще мыло душистое и полотенце пушистое. В моем воображении, правда. В реальности обнаружили только кустики без листьев. Вы когда-нибудь вытирали попу снегом? Незабываемые, совершенно неповторимые и ни на что не похожие ощущения. Хорошо, что волки объявились, когда я уже сделала свои дела, иначе я бы их сделала в штаны. Не знаю, куда подевалась моя былая лояльность к волкам, помнится я каталась на одном из них и вполне себе спокойно спала среди стаи. Когда мохнатая мор-

да, показалась сбоку от меня, я завизжала так, что бедный волк отпрянул, испугавшись не меньше меня. Потом, мне кажется, он испугался уже за меня, когда, не натянув до конца штаны, я ломанулась бежать домой и свалилась в сугроб с голой задницей, запутавшись в штанах. Продолжая истошно вопить, периодически переходя на фальцет, я выбралась из сугроба, кое как поднялась на ноги, натянула окаянные штаны и забыв свое достоинство на полянке, вместе с одним из лаптей, ломанулась домой.

Один из волков стоял у распахнутой двери, искал, видимо, меня, когда я сиреной, голося на весь лес, показалась из-за избы, бедолага, завидев меня, отбежал от двери. Если бы он не отбежал, я бы сто процентов забралась бы на крышу и уже оттуда продолжила бы оглашать всю округу своими воплями и откуда у меня только столько сил взялось на эту придури, не знаю.

Я забежала домой и чуть убавив громкость, навалилась всем телом на дверь, но та почему-то не закрывалась. Я занервничала и принялась толкаться плечом в дверь, пока не додумалась посмотреть на пол, потому что не закрывалась дверь буквально на расстояние небольшой щели. Там оказался зайчик. Видимо, волки с охоты принесли. Если бы мне было чем, меня бы вывернуло наизнанку. Несчастного как раз зажало между дверью и коробкой. Судорога тошноты скрутила тело, и если бы не паника, я бы его так и оставила, но мой находчивый мозг справился, я заметила кочергу воз-

ле печи и добежав до нее, ею вытолкнула мерзкую тушку на улицу. Закрыла, наконец, дверь, защелкнула деревянную задвижку и скатилась по двери на пол, хрипло дыша и вытирая руками вспотевшее лицо.

Подтянув к груди колени, уронила буйную голову на руки и закрыла глаза. Все силы потратила на этот туалет. Конечно, я задалась вопросом какого черта я так отреагировала, ведь доехала ж на волках этих сюда, но словно бы после этой горячки и сна здесь я стала собой прежней или дело не в этом, а в том, что у меня спала температура и ко мне вернулось критическое мышление. А если критически осмыслить то, что происходит, то это все ненормально.

Все воспоминания с Владом, душой и волками я сразу списала на агонию умирающего мозга, может быть это вообще просто сон. Дети вон во сне тоже летают...но остаются волки. Нет, может быть, мне все это привиделось с волками? Может, меня Влад похитил и в эту избушку вывез, а я из-за болезни, в бреду, себе что-то нафантазировала.

Но остаются волки...

Чертовые волки огромных размеров, точно не такие, какие должны быть, вполне реальны.

Я даже на ноги поднялась и к единственному окошку подошла, прилипла лицом к нему и посмотрела в окно. Волки были на месте. Огромные. Раза в три больше обычного волка. Размером с лошадь.

- Это просто галлюцинации. – Пришлось сказать это

вслух, чтобы самóй себе поверить. Не своим глазам, а своим словам. – Я, может, просто в психушке в горячке лежу, или у меня смерть мозга происходит и мне видится всякое.

В горячке или нет, а ледяной ручей и отсутствие туалетной бумаги, вполне себе реальны. Если это все иллюзии какого черта они такие тривиально неудобные?

Может быть, у меня просто галлюцинации, а сама я в психушке? Опять же тогда почему холодно было бежать по ручью? Почему я тут одна? Неужели реально волки привезли?

Картина мира трещала по швам, а я пыталась удержаться на ее расползающихся континентах. Почему-то очень важным оказалось, найти какую-то неоспоримую аксиому существования, чтобы от нее отталкиваться, но сколько бы я ни собирала какую-то единую, адекватную картинку из имеющихся пазлов, ничего не выходило. Факты противоречили сами себе, и ни один из них не удавалось оспорить достаточно, чтобы он не мешал мне жить. Я не могла оспорить существование странных волков, но я также не могла объяснить это сном, потому что не может быть во сне ледяная вода, отсутствие туалета и еды. Если допустить, что я все такие сошла с ума и попала в какую-то магическую реальность, то когда уже проснутся мои волшебные способности и я наколдую себе туалетную бумагу, скатерть-самобранку и чистое постельное белье?

Глава 5

Удивительно, как быстро бытовые проблемы помогают пережить психологические катастрофы. Когда тебе нечего есть и нет даже мыльного обмылка, а про одежду я вообще молчу, все душевные метания малость заглушаются и отходят на второй план, особенно если есть нечего. Даже пострадать у двери долго не вышло, потому что из щели в полу дуло, пришлось подняться на ноги и пойти осваивать жилище свое. Вероятно, стоит быть благодарной, что волки меня все же в избу притащили, а не в берлогу медвежью. При мысли о такой альтернативе меня передернуло, и я на две с половиной секунды почувствовала себя счастливой.

Если сравнивать с медвежьей берлогой, то мне, безусловно, повезло, у меня есть четыре стены, крыша, под крышей печь круглая, а за ней кровать из барахла. Печь кое-где в трещинах, но сделано это все из подручных средств, значит, можно раздобыть глину и заделать эти щели. Напротив двери, сбоку от печи грубо сколоченный стол с лавкой, над столом полки, с правой стороны от стола широкая лавка и осыпавшиеся трухой веники каких-то трав, от которых остались только оплетенные паутиной веточки. Ну и сундук, большая часть барахла из которого теперь за печкой.

Сил после болезни не было совсем. Сильная слабость накатывала, как только я немного успокоилась и пришла в себя.

Посидев на лавке, я вернулась за печь, свалилась там в свой угол и отключилась, трусливо надеясь, что это всё-таки сон. Я засну и очнусь в другом месте, но очнулась я спустя не так много времени, все за той же печью. Урчание желудка разбудило.

Выбравшись из-за печи, я решила, что пора провести более внимательную инвентаризацию и найти хоть что-то съедобное. Раздув тлеющие угли в печи, засунула туда самое толстое полено и принялась шариться по полкам. По итогу поисковых работ было обнаружено несколько глиняных кувшинов, двое из которых с трещинами, несколько ветхих плетеных корзин, стаканчик из бересты с плотной крышкой, в котором оказалась соль, а еще маленький мешочек с сухими грибами и ржавый нож.

Ни чайника, ни кастрюли, только грязный котелок под столом. Я побоялась в нем греть воду, достала единственный целый кувшин, очистила его от пыли и паутины и решила, набрав в него воды, разогреть ее в печи. Встал вопрос, откуда воду брать? В доме воды не было. Где тут ручей неизвестно, но он должен быть где-то, ведь не стали бы люди строить дом далеко от воды? Оставался снег, но выйти из дома к волкам я так и не решилась.

Волки мне снились даже во снах, но после того, как я проснулась после горячки, я все никак не могла решиться и выйти к ним, мозг, выросший в цивилизованном мире, сопротивлялся всей этой необъяснимой чертовщине и вопил

в голосину, когда я подходила к двери. Я крутилась у двери до вечера, жуя сухие грибы, пока не раздался волчий вой из леса и парочка, что лежала у двери, не скрылась между деревьев.

Набрав снега, я уже почти зашла домой, когда заметила зайца. Бедолага все также был на прежнем месте. В первое мгновение я отвернулась, не желая этого видеть, но голос разума все же взял верх. Мне ничего не светит, кроме сушеных грибов и обнаруженного в одной из банок иван-чая, а этим особо не наешься. Голод последних дней помог пересилить брезгливость и, справившись с рвотными позывами, я забрала тушку домой. Знала бы я, что ждет меня дальше, гораздо меньше драматизировала бы с зайцем.

Затолкав снег в кувшин и запихнув тот в печь, я решила все же заняться зайцем, но все никак не могла собраться с силами и решиться, потому, чтобы настроиться, начала приводить себя в порядок и начала с волос. Нужно было собрать их, чтобы не мешались. Я совершенно спокойно ходила по избе в поисках хоть какого-нибудь приспособления, с помощью которого смогу их заколоть или завязать, пока до меня не дошло, что волосы какие-то не такие. Как минимум длина не та. Я сначала застыла, не понимая, что не так, а потом я, наконец, заметила цвет. Слишком темные, длинные и прямые. Мои волосы немного вились, во время дождя, скручиваясь в пружинки, и были теплого каштанового цвета, а эти черные, словно воронье крыло.

Это не мои волосы.

Мне показалось, что я вместо полена оказалась в печи. Паника и ужас. Волосы не мои!

Вскочив на ноги, я заметалась по избе, держась за волосы, оттягивая их и всматриваясь в них внимательнее, в надежде, что мне показалось, просто в вечернем сумраке плохо освещенной избы я их не разглядела. Неловко упав на колени перед печью и распахнув дверцу, я поднесла волосы поближе к огню.

Черные.

Стремительно подступал второй этап затяжной истерики. Ощущение было такое, словно у меня нервы, как провода на пять ампер, а ток по ним вот-вот на двести двадцать киловатт побежит, и одно только приближение этого ко мне, вызывало волну неконтролируемой паники. И руки какие-то не такие, ладонь словно бы чуть больше моей прежней и пальцы длиннее. У меня просто не было сил справиться с этим. Все тело содрогалось, а дыхание вылетало рывками, то обрываясь и застревая в груди, то со свистом, вылетая сквозь сцепленные зубы. Я едва снова не ломанулась к ручью, но в этот раз, когда я, задыхаясь, выбежала из дома, около двери оказались волки. Одна паника налетела на другую, и я застыла на пороге, просто пытаюсь вдохнуть. Они стояли и смотрели на меня, ничего не делали.

- Откуда вы, черти, взялись?! – Проорала я. – Куда вы меня притащили?! Это не я! Не я! В смысле я, не она! – По-

казывая пальцем на себя, орала я полную дичь, пока не развернулась и не забежала обратно в дом.

Это был тяжелый вечер. Бесконечно выматывающий. В какой-то момент мне показалось, что я сама за собой наблюдаю со стороны, за тем, как мечусь по избе и вою, как дергаю себя за волосы и разговариваю сама с собой. Закончилась истерика, когда волки дружно завыли под окном. Поддержали меня духовым ансамблем. Бег мой по избе прекратился, и я опустилась на колени возле печи. Я хотела лечь спать, потому что сил уже просто ни на что не было, но вспомнив про глиняный кувшин, решила, все же достать его, чтобы не случилось чего.

Вода в нем кипела, и сам он сильно нагрелся. Пришлось повозиться, чтобы вытащить его и не разлить. Пока искала подходящую тряпку, какой можно обмотать руки, чтобы не обжечься, пока доставала кувшин, чувства немного улеглись. Меня уже не колотило. Поставив кувшин на стол, засыпала в него чай, и сев на лавку, уставилась стеклянными глазами в стену перед собой.

Я уже, честно говоря, устала страдать, но неужели это все-таки правда не сон? Я, оказывается, продолжала цепляться за то, что все это просто кошмар, потому что так не бывает. Не бывает волков размером с лошадь, после смерти человек попадает в ад или рай, ну или просто гаснет свет. Game over, разве нет? Зачем во сне мне другое тело? Я так устала думать сон это, бред это или еще, что-то и скатилась в итоге в

детскую обиду.

- Почему я? – Спросила я, наконец, у стены. Ну, просто кто-то же должен мне объяснить, пусть это будет стена. – Ну, почему я?! Почему я? Я не понимаю, почему я? Зачем, блин, для чего? Для кого? Для чего?! - Меня переклинило.

После удара кулаком по столу мне не полегчало и после второго тоже. Место паники заняла ярость. Выскочив из-за стола, я закричала. Хотелось кого-нибудь ударить, да кроме себя некого. Хотелось разбить этот кувшин дурацкий, да он у меня единственный нормальный. Потому я просто согнулась и закричала, пока связки не заболели. В итоге все снова закончилось слезами. Вернувшись на лавку, я обхватила руками кувшин и зависла, согреваясь и пребывая в беззвучной пустоте. Горло после крика болело, из глаз катились слезы, но в груди наступила пустота, а во всем теле странное онемение и равнодушие. Мир продолжал существовать несмотря на мою злость.

Прикрыв на мгновение глаза, я увидела волков. Звездное небо и мчавшуюся стаю. Я видела это все так ярко и четко, словно бы не сидела за столом с кувшином в руках, а неслась среди них. Прекрасное северное сияние растянулось на небе и, запрокидывая головы, волки выли в небеса. Я тоже запрокинула голову и завывала. Слезы бежали уже не по щекам, а по вискам, закатываясь в ушную раковину, но становилось легче.

Мне не хотелось открывать глаза, но я заставила себя сде-

лать несколько глотков и, оставив кувшин, ушла за печь. Упала на «кровать» и отключилась, снова оказавшись среди знакомой стаи. Теперь я не просто видела, я еще и чувствовала, как гулко бьется сердце в волчьей груди. Какая она широкая, какие сильные лапы и как мощно они пружинят, отталкиваясь от земли. Среди волков я почувствовала себя внутри семьи, которая рада мне. Волки бодались, налетали друг на друга и не больно окусывались, пока не почуяли зверя, и азарт охоты захватил всех с головой.

Медведь.

Они завалили медведя...

Бедолага, не вовремя почуял весну...

Ну, а я, вполне себе счастливая, тащила вместе со стаей эту тушу под собственные двери...

Глава 6

Открыв утром глаза, я молила лишь об одном, чтобы это был просто сон. Просто сон. Мне просто привиделось, как я бегала в волчьем теле и охотилась на медведя, а потом, преисполненная чувством гордости за нас всех, тащила эту тушу под собственные двери.

Я открывала глаза и закрывала, сама себе как мантру твердила, что это сон. Настолько реальный, что я помню, как всястая хотела сожрать, этого медведя, животы урчали, но они не сделали этого и легли спать вокруг медведя, рядом с дверью естественно.

А я просто хотела кусочек мыла. Мне больше ничего не надо было. Когда я поднялась на ноги и подошла к двери, мне уже и оно было не нужно, лишь бы за дверью не было медвежьей туши. И все. Просто не было медведя. Чтобы это был, просто сон. Такой вот яркий и реалистичный сон.

Мне вон однажды тоже очень реалистичный сон приснился, я бежала по лесу и свалилась в ручей и все никак выбраться из ручья не могла. Оказалось Артем прибежал ко мне среди ночи, попу к моей попе пристроил и напрудил под меня, а я выбраться из ручья не могла, пока не проснулась. Так и тут. Просто сон. Я просто голодная. Конечно, с голодухи и медведя сожрешь. Это просто аппетит.

Собравшись с духом, я открыла дверь.

- Матерь Божья...

Совершенно забыв про сон, я вытаращилась на огромную медвежью тушу у двери. Она была гораздо больше, чем виделась мне во сне, просто огромная! Во сне он показался мне «медвежонком», просто упитанным медвежонком, но это была огромная зверюга, почти наполовину перекрывающая мою дверь.

- Святые угодники, это что такое?!

Валяющийся на моем столе зайчик показался мне просто милейшим созданием и к чему была вчерашняя драма?

- Что мне с ним делать? – Спросила я у голодных волков, которые, нервничая, ходили кругами вокруг избы и с вождением поглядывали на медведя. – Я столько не съем... да я вообще... я ее с места не сдвину...

Один плюс все же был, мне уже было не так страшно выходить к волкам. В общем, я просто закрыла дверь и спряталась в доме. В голове пролетела малодушная идея, зажмуриться, посчитать до пяти и открыть дверь, вдруг привиделось. И сон привиделся, и медведь у двери.

Как никак тут ежедневно полный абсурд творится, почему бы ради меня, не свершилось чудо и не исчез медведь? Я бы вот вообще не удивилась бы и не испугалась, и была бы совсем не против такой иррациональной неожиданности.

Вся моя рациональность горела в агонии. Вместе со здравомыслием. Логика вопила, что так не бывает. Я не могла, просто не могла бегать в волчьем теле! Подступал очеред-

ной приступ бешенства. Я сначала все отрицала, но неоспоримые факты, вынуждали меня их признать, во всяком случае очень трудно не признать, наличие медвежьей туши под дверью, а потом злилась. Потому что так НЕ-БЫ-ВА-ЕТ!

Я решила подумать об этом завтра, как Скарлетт О'Хара, но ничего не вышло, потому что сожрать медведя волки хотели уже сегодня и нет бы оттащить его куда подальше от моего порога, оставив мне несчастного зайца, который до сих пор не дождался своей очереди, так нет, эти благородные рыцари наматывали круги вокруг избы и жалостливо выли, действуя мне на нервы. А у меня в планах была грусть, тоска, обида на весь мир, а еще туалет. А не туша эта их.

Гаденький голосок в моей голове, ехидно подмечал, что я так-то медведя вместе с волками до дома своего волокла. От этого раздражение поднималось еще выше, хотелось этому гаденькому голоску сказать упрямо, что так не бывает, что это просто сон! Но медведь, черт его возьми, был под дверью! И как бы я ни злилась на отсутствии логики, он никуда не исчезал. А еще очень хотелось в туалет.

Как меня бесила эта бытовуха! Она меня и раньше раздражала, особенно пока я с Владом жила, а теперь так тем более! Господи, какая я счастливая то была, оказывается, когда мы с ним сняли комнату в коммуналке и там был один сортир на шесть комнат, который я от стресса надраивала едва ли не каждый вечер, хотя тогда это воспринималась как посланное мне богом испытание.

Я так гордилась собой, когда мы его прошли и переехали в нормальные условия. Теперь я за тот допотопный унитаз, с ниточкой на бочке прикрепленный к стене, отдала бы все! Да даже целого медведя бы отдала!

Волки начали скрестись ко мне в дверь. Где-то в груди оставалась тень рационального страха перед ними, но я слишком сильно хотела в туалет, чтобы просидеть еще полдня в ожидании, когда они уберутся куда-нибудь от избы, да и глупо это было бы после сна и медведя. Я и так вчера большую часть дня мучалась от жажды, потому что боялась выйти из дома.

Лапоть еще один остался! Где второй непонятно! Я самой себе напоминала ворчливую злобную ведьму. Метлы только не хватало и ступы. Ступа бы мне, кстати, пригодилась, некуда было воду набирать.

В итоге обмотав ноги тряпками и надев на одну из них один лапоть, я вышла из дома злая как сатана.

- Отойди отсюда! – Прошипела я на волка, торчавшего у самой двери. Ярость помогла побороть первый страх, и я так решила открыть дверь.

Медведь перегораживал мне выход. Я не хотела все это трогать! Запах этот чувствовать! Но мне нужно было в туалет! И как можно быстрее!

- Уберите его! – Рывкнула я на волков. Конечно, никто ничего не понял! Я повторила еще раз, но волки только уши к голове прижимали и озадаченно смотрели на меня. Ну и де-

лать нечего, пришлось мне карабкаться через тушу медведя на свободу! К туалету!

Знала бы я, что мне придется карабкаться по медведю! Да мне такое в самом страшном сне бы не приснилось. Опять же сильнейший позыв к туалету как рукой снял все мои душевные метания, рвотные позывы, брезгливость и панику. Вообще, ничего не было, была только цель!

Скатившись с медвежьей туши, я ломанулась к кустам и на полпути, заметила лапоть потерянный, притормозила, схватила его и натянула на ногу и тут заметила, что вся эта братия мохнатая идет за мной в туалет.

- Вы куда все претесь?! – Я даже испугаться не успела, потому что разозлилась раньше, чем испугалась. – Отвалите от меня! – Проорала я им.

Но, конечно! Никто! Ничего! Не понял!

Я думала, что хуже быть уже не может, но жизнь умеет удивлять. Я бегала по кустам, орала на этих придурков, швырялась в них снежками, чтобы отошли, те, видимо, беспокоились, не понимая, что происходит, и отбежали лишь на небольшое расстояние, чтобы оттуда с тревогой смотреть на то, как я пытаюсь сходить в туалет в уединении.

К бешенству и раздражению примешалось вынужденное веселье, потому что смешно уже самой было от всей нелепости ситуации.

- Да отвалите вы от меня! – Орала я, найдя очередные кусты. - Я ща приду! Медведя своего сторожите! Вдруг убежит

без вас...

В поисках укромного места нашла ручей, о котором напроць забыла вчера. В момент, когда я до него добежала, а потом босиком возвращалась обратно, вылетел из головы. Теперь я его нашла.

Не так уж далеко он был от моего дома, нужно было просто зайти за бок дома и по прямой пройти метров двадцать до небольшого обрыва, у его подножия бежал ручей. Хотя я, скорее всего, забежала в него в другом месте, потому что бежала я по прямой. Значит, ручей огибает дом.

Умывшись, я вернулась под волчьим конвоем домой. Так, они от меня и не отстали.

Предстояло перебраться снова через медведя домой. Мохнатые бедолаги забеспокоились, как только я приблизилась к медведю. Как мне не хотелось все это трогать. К туше этой прикасаться. Малодушно мелькала мысль, что медведь просто без сознания, и очнется, когда я к нему приближусь.

Походив кругами около медведя, в окружении волков, капающих слюной, я таки забралась домой и захлопнула дверь.

Просто идеальное решение проблем это их игнорирование. Я могу давать мастер-классы по технике избегания, а волки, могут научить упрямству, потому что под окнами у меня начался скулеж, разбавляемый недовольным рычанием.

Вообще, мне не давало покоя то, что я знала, что делать со шкурой. Влад меня пару раз вытаскивал на охоту, где я ста-

ла свидетелем выделки шкуры. Приятного мало, но и деться мне было некуда.

Я знала, что с этой шкурой делать, даже не имея соли, я просто все это не хотела делать! И нож у меня один и тот тупой и ржавый. С другой стороны, у меня тут пол ледяной и кровать из старых неизвестно чьих тряпок.

Ко всему прочему, оставалась вероятность, что волки его так и не сожрут и он начнет тухнуть у меня под дверью и мне ко всем бытовым проблемам еще смрада тут трупного не хватало, чтобы я окончательно свихнулась от счастья.

Подогрев немного в печи вчерашний чай, допила его и так заставила себя на это решиться. Если бы я знала, сколько я на это потрачу сил, я бы не стала этим заниматься, даже при наличии всех перечисленных неудобств, потому что недостаточно знать, как это делать, нужно еще и уметь это делать, и понимать, сколько времени и сил на это уйдет у непрофессионала, тем более с таким большим зверем. Одно радовало, волки не вызывали у меня больше ужаса, и я знала, где вода, а еще, кажется, наступила весна.

Глава 7

Первые дни, пока я тут была, лес спал. Застывший, сонный и не живой. Теперь же он просыпался, и я чувствовала это каждой клеткой своего тела. Куча каких-то звуков, от которых я порой подрывалась среди ночи и бегала проверять засов на двери, а еще ощущение, что кто-то смотрит на меня из чащи леса и это не кто-то один, это словно темнота сгушалась меж деревьев и тарасилась на меня множеством глаз.

Возможно, я просто сходила с ума и как могла, цеплялась, за нерушимый обоснуй, который тут, честно говоря, гроша ломаного не стоил, но я решительно игнорировала все эти странности, какие-то «знаки» и прочую чушь. Мне казалось, что стоит только приоткрыть дверь всей этой чертовщине, и она хлынет на меня потоком, и тогда я точно сойду с ума и стану безумной сумасшедшей, бегающей по лесу с немойтой головой.

Сейчас я тоже бегала по лесу с немойтой головой, но хотя бы считала себя относительно нормальной, но если дам слабинку, то точно чокнусь. Возможно, моя проблема была в том, что мне все казалось, что кто-то меня отсюда обязательно заберет и мне нужно продержаться и не сойти с ума.

И я держалась как могла, игнорируя лес и волков, которых было даже жалко, но себя мне тоже было жалко, я неизвестно где, у меня ребенок, о котором я ничего не знаю, и мама с

больным сердцем, а вдруг ее уже удар хватил и мой крошечный сын в детдоме?

В этом направлении я вообще старалась не думать, потому что меня скручивало морским узлом от боли, и вся волчья стая, как по команде, начинала выть и пытаться ко мне подойти.

- Да не реву я! Не реву! – Отталкивая от себя волчью морду, шипела я, с особым остервенением набрасываясь на проклятую шкуру, которую сняла с огромным трудом.

Я отталкивала от себя волков и, неутихающее горе, стараясь спрятаться в рутине. Но у нее были свои минусы: она толкала к воспоминаниям. И как бы я ни пыталась гнать их прочь, мозг, словно голодная собака, грыз сухую кость прошлого и ранил ею сам себя. Меня.

Счищая со шкуры остатки жира и мяса, своим ржавым, но кое-как заточенным об камень ножом, я почему-то вспоминала, как с таким же остервенением мыла все, до чего могла дотянуться в нашей съемной коммуналке. Сейчас у меня подозрения, что таким образом я переживала свой невроз от тех событий, что со мной происходили.

А происходил со мной переворот всех моих жизненных планов на сто восемьдесят градусов, я съехала с человеком, от которого шарахалась большую часть своей жизни. Муж младше меня на четыре года, и познакомились мы в спортивной школе, он занимался сначала дзюдо, позже перешел на самбо, я же десять лет отдала гимнастике. Трени-

ровки у нас совпадали по времени, а когда ближе к моему выпуску перестали, он стал приходить к концу моей тренировки и провожал до дома.

- Хватит ходить за мной! – Шипела я, под ехидные смешки подружек, но все без толку.

Он был мало того, что младше, так еще и ростом мне по плечо, правда, к моему выпуску он вытянулся вровень со мной. Молчаливый, темноглазый, себе на уме, он меня больше пугал, чем раздражал. Когда он подрос, подружки нашли его симпатичным, мне же было не по себе от его пугающего упрямства, которое не покидало его столько лет.

Поначалу мне еще казалось, что эта блажь скоро пройдет, но она не проходила, ко всему прочему он не подходил и не разговаривал. Я долго думала, что он просто стеснительный парень, но понаблюдав за ним, поняла, что дело не в стеснении, он просто сам для себя, что-то решил и делал, как считал нужным, не беря на себя труд поинтересоваться моим мнением.

Он словно тень существовал где-то на периферии моего сознания, и в какой-то момент я перестала его замечать, пока у меня не наметились мои первые отношения и первая любовь. Ромка был старше меня на год и перевелся в нашу школу из другого города, я втрескалась сразу и по уши, и к моему невероятному счастью он вызвался проводить меня до дома спустя неделю наших переглядок в коридоре.

Я так переволновалась, что всю дорогу до дома, пока он

нес мой рюкзак, несла какую-то чушь, еще и споткнулась возле дома, чуть не влетев лицом в лужу, благо он меня поймал. Он так смеялся, что я подумал, что ничего страшного, он даже обнял меня на несколько мгновений, после чего красные мы разошлись, скомкано попрощавшись.

Я с таким нетерпением ждала следующий день, но его не было в школе. Я даже в класс к нему зашла, но и там его не обнаружила. Одноклассники сказали, что он не приходил. Почти две недели я, изводясь от тревоги, крутилась в коридоре, высматривая его, но когда он, наконец, появился, то прошел мимо меня так, словно я была прозрачная. В первое мгновение я подумала, что он меня не заметил, но потом все стало ясно. Он не замечал меня специально.

Почти год я винила во всем себя за то, что я дура, за то что несу чушь и говорю глупости. Мне было так стыдно, что я стала стесняться говорить. Я была просто уверена, что я все испортила, а потом меня до дома проводил одноклассник.

Ничего такого.

Нам раздали учебники, и учительница попросила отнести их однокласснику. Он жил недалеко от меня, но его дома не было. Я ещё несколько раз заходила, но так и не застала его — он у бабушки болел. В итоге, когда он вышел с больничного, оказалось, что он без учебников, и мы пошли за ними ко мне вместе. А на следующий день я узнала, что после визита ко мне, он чуть на второй больничный не отправился.

Влад учился в другой школе, жил в другом районе, и нас

связывала только общая спортивная школа. Как он узнал, я не знала. Я вообще перестала его замечать, хотя он продолжал провожать меня домой. Конечно, после этого я о нём вспомнила и налетела на него прямо в холле спортивной школы.

- Это ты! – Я толкнула его в плечо. Он остановился вместе со своими друзьями, удивленно смотря на меня, а у меня от волнения и злости, была такая каша в голове, что я путалась в словах и задыхалась. – Ты! Это мой одноклассник! Мы за учебниками ходили!

- Мы уже разобрались. – Вставил он равнодушно, когда понял, с чего я на него налетела. Даже попытался обойти меня, чтобы пройти к раздевалке.

— Что значит «вы разобрались»?! — Я разозлилась и дёрнула его за шлейку спортивной сумки. Та скатилась с плеча и плюхнулась на пол. На нас уставились все, кто сидел в холле, и голоса притихли. Стало неловко, и я убавила громкость. — Какое ты имеешь право...

Он наклонился, поднял свою сумку и, перебил меня, не повышая голос:

- Я, сказал, мы разобрались. – Он закинул сумку обратно на плечо. – Что еще тебе непонятно?

Я так растерялась, что не знала, что сказать. Его поведение меня просто обескуражило, я чувствовала, как горит лицо. Когда я летала в спортивную школу, на крыльях праведного гнева, у меня каких только реплик для него в голове не

возникало, а еще я ярко представляла, как поставлю этого выскочку на место и гордо уйду, задрвав нос, но все иллюзии рассыпались, натолкнувшись на один лишь его взгляд.

Дело, конечно, было не только в глазах, просто я задохнулась, когда он на меня посмотрел. Какое-то странное ощущение, привело меня в полное смятение, и это, что-то ощущалось только кожей. В целом уже тогда нужно было сворачивать этот бесполезный разговор, но я брякнула про Ромку.

- А этот не понял с первого раза. - Влад сложил руки на груди. - Пришлось разжевать. – Дружки этого придурка ухмыльнулись, а я так ничего и не ответила, этому самоуверенному недорослю. Я себя потом всю тренировку казнила за то, что стояла как дура, раскрыв рот, пока эти сволочи ухмылялись. Вышел их тренер, и они просто ушли.

Назло ему я отпросилась с тренировки чуть раньше, просто чтобы хоть как-то насолить этой сволочи и чтобы не видеть его. Приехала домой и рассказала все маме. Она знала, что он меня провожал, но вот такой финт ушами ей очень не понравился, и мама согласилась на предложение перебраться в другое рабочее жильё, которое откладывала из-за моей школы. Тот же город, но район другой.

Я даже подумывала спортивную школу бросить, но тренер бы не позволил, да и я привыкла к школе и тренировкам. В итоге эта наша рокировка ничего ровным счетом не поменяла, Влад катался со мной на моем троллейбусе до моего дома в другой район.

- Что ж ты ходишь-то за ней?! – Не выдержала мама, когда встречая меня на остановке, в очередной раз увидела его на заднем сиденье троллейбуса. Она подбежала к задней двери и встала на порожек. – Делать тебе больше нечего?! А?! Другой конец города!

- Женщина, выйдите! – Поторопила кондуктор, и мама сдулась, так же как и я. Выскочила из автобуса, и мы проводили глазами уезжающий автобус и хмурого волчонка в нем.

- Настырный то какой! Проблемный... – Мама всучила мне пакет с продуктами. - Поступай давай, к тетке своей в институт и уезжай отсюда, а то сам он не отстанет.

- Не хочу я на фармацевта... – Вяло возражала я, зная мамин ответ заранее.

- Хочу, не хочу. Отучись сначала, диплом получи, а потом делай что хочу.

Так, я и поступила, куда сказали, и провалилась в учебу на четыре года, забыв про Влада на втором году, а на пятый около моего общежития нарисовался до боли знакомый первокурсник юридического института. Я его узнала не сразу. Высокий, симпатичный парень в длинном пальто, стоял, привалившись плечом к облетающему клену, и курил. Не знаю, что меня дернуло остановиться, я почти прошла мимо, но стоило поравняться с ним, как что-то словно толкнуло в грудь, и я застыла. Обернулась на него и обомлела. Мое тело узнало его раньше, чем мозг вспомнил кто это. Он смотрел на меня.

- Это еще кто? – Спросила соседка по комнате. – Ты его

знаешь? Симпатичный.

- Влад... - Пробормотала я, смотря на него во все глаза и чувствуя, как распадается, мой зыбкий мир и осколками падает к его ногам.

Глава 8

- Ты что здесь делаешь? – Спросила я сразу, как только он, выбросив сигарету, не спеша подошел ко мне.

- А что нельзя? – Он ухмыльнулся, смотря на меня теперь не снизу вверх и даже не глаза в глаза, а сверху вниз. - Тут все твое? – Чуть наклонив голову набок, он блуждал по мне глазами, так что захотелось спрятать себя от этих жадных глаз. – Крышуешь всю общагу?

- Чуть не говори. – Он все такой же придурок. Я отвернулась, собираясь развернуться и уйти, но он поймал меня за локоть, удерживая на месте.

- Куда-то спешишь?

- Домой.

- Это подождет.

- Ха... - Я не сразу нашлась, что ответить, растерявшись с его типичной, видимо, наглости о которой успела позабыть, к тому же его появление совершенно меня обескуражило. Уже года два как я выбросила его из головы. – Не слишком ли для... - Я, умолкла, не найдя подходящего слова.

- Для кого? – Его губы искривились в улыбке. – Для человека, который искал тебя два года?

- Два года? – Я сама не знала о чем спросить. – Я учусь тут уже четыре.

- Я в курсе. – Его рука на моем плече сжалась сильнее. –

Два года как я перестал землю носом рыть в твоих поисках. – Процедил он. – И еще два года, как готовился к поступлению на юрфак здесь.

В груди сдавило и мне не хватило воздуха, я вдохнула, но слова застряли в груди. Он смотрел на меня и не спешил раскидываться словами дальше. Я покачала головой и попыталась высвободить руку.

- Ты ненормальный. – Мне удалось выдернуть руку из его железной хватки, но не успела я и двух шагов сделать, как он поймал меня снова за локоть, рывком развернул к себе и сдавил в объятиях так, что трудно стало дышать.

Всё внутри окончательно пришло в смятение ещё после его заявления, а когда он сжал меня в руках и ноги оторвались от земли, мозг окончательно вошёл в ступор. Я очнулась только тогда, когда свалившаяся с плеча сумка ударила меня по щиколотке, повиснув на моём локте. В этот момент он уже нёс меня к чёрной затонированной «Девятке». Сердце птицей забилось в груди. Я шлёпнула его по каменным плечам.

- Ты что делаешь? – Полушепотом спросила я, от шока не зная, что сказать и как себя вести. – Ты что делаешь? – Но постепенно паника приводила меня в чувство. - Что ты творишь?! – Я лупила его по плечам и от того становилось больно только мне, а он не обращая внимания на мои удары шел к машине. – Что ты делаешь? Прекрати. Что ты делаешь?!

У меня не было никаких вообще идей, что говорить и как

реагировать, зажатая в его тисках, я только и делала, что озиралась по сторонам, оглядывалась на него и повторяя как заведенная одно и то же. Ноги беспомощно болтались в воздухе. Когда из дверей общежития вышел мой одногруппник, которому я отказала год назад, вероятно мне на помощь, из машины на встречу нам, вылезли два парня. Я их знала. Они оба ходили на самбо. Тоже вытянулись сильно. При мысли о том, что они сделают с Димой, если он попытается вмешаться, в груди похолодело. Я забилась в руках и зашипела на него.

- Пусти меня! Прекрати! – Упершись руками в его плечи изо всех сил, я попыталась отодвинуть его от себя хоть на миллиметр, но ничего не вышло. – Я закричу!

Он, наконец, притормозил.

- Саш? – Позвал, спешащий ко мне Димка. – С тобой все в порядке? Кто это?

- Все в порядке! – О том, что это ложь явно кричал мой дрожащий голос. – Вернись в общежитие Дим. Все в порядке! Правда!

- Видишь. – Дружки Влада заслонили дорогу к нам, перехватывая моего обреченного спасителя на полпути. – Девушка сказала все в порядке, не о чем беспокоиться.

- Да ну?

Не известно чем бы все это закончилось, даже с учетом того, что на подмогу Диме, вышли еще ребята из нашего общежития, если бы вслед за ними комком ярости, вооружен-

ная уличной метлой не выскочила мама. Она тогда уже второй год как подрабатывала вахтером в нашей общаге. Заметив ее Влад на мгновение изменился в лице, поставил меня на место, поправил на мне примявшееся пальто и насколько это возможно солидно припустил к машине в которую уже эвакуировались его дружки.

В итоге под ехидные смешки вышедших спасать меня ребят, эти двое бегали вокруг девятки. В процессе погони до нас доносились реплики о том, что он просто меня на свидание позвать хотел и не сдержался, решил с собой унести.

- Я тебе унесу, черт проклятый! Я тебе унесу! – Вопила мама бегая за ним с метлой в руках и охаживая его по спине как только появлялась возможность.

Если бы у мамы с ноги не слетел тапочек и она не остановилась, чтобы его надеть, вероятно, Влад бы не успел запрыгнуть в машину и умчаться в закат. Бросив мне на дорожку, в приоткрытое окно, что мы еще увидимся.

- Увидитесь вы! В милиции вы увидите! – Мама приложила метлой по окну. Не знаю уж попала она Владу по лицу или нет, он утверждал, что нет, но в тот день он уехал под дружный хохот половины общежития.

- Ты подумай, гаденьш какой! – Бушевала мама, переводя дыхание. – Весь год мне нервы портил, когда ты уехала! Паразит такой! Проходу не давал и тут нашел! Все равно нашел!

Пришлось отпаивать переволновавшуюся маму валерьян-

кой, а вставшему на уши общежитию, жадному до сплетен приоткрывать невольно завесу тайны изгнанного метлой беса иначе оброс бы этот инцидент еще большими небылицами.

Глава 9

Меня не добила зима, но добьет эта шкура, с ее убийственным запахом. Хотя порой я не могла определиться, кто из нас все-таки воняет хуже, я или она. Пришлось пройти все адские этапы выделки, от выскабливания мездры до втирания в нее кашицы, о составе которой лучше просто не думать, чтобы спать без кошмаров, а со сном у меня тут и так проблемки. Я чувствовала себя первобытной женщиной, живущей в лесу. Дни тянулись долго, а возне со шкурой не было конца. Мне казалось, что испытанием была жизнь в общежитии, потом жизнь в коммуналке, но теперь, с остервенением натираясь в ледяном ручье золой и еловым отваром, чтобы избавиться от запаха и грязи, я ничто не считаю испытанием, чтобы не искушать более судьбу.

Несколько раз я порывалась бросить всю эту возню со шкурой, но было жаль уже потраченных усилий, и я все же надеялась, что можно будет постелить ее хотя бы на пол, с которого тянуло холодом даже возле печи. Кровать, если то, на чем я спала, можно назвать ею, я модернизировала: вычистила угол, скрупулезно выскребла из всех щелей все, что надо и не надо, и устелила пол под кроватью еловым лапником, им же закрыла ту часть дома, в которой спала, потому что где-то дуло, но я не могла понять где, потому, не заморачиваясь, просто пристроила лапник везде, где смогла. Для

печи набрала глины из ручья, благо снег кое-где сошел, и заделала ею трещины в печи. Повозиться пришлось основательно, потому что печь, особенно изнутри, была в плохом состоянии, я переживала, что даже это не поможет, но нет, после того как протопила печь и глина хорошо просохла, все вроде как стало выглядеть надежно.

Пытаясь улучшить свои бытовые условия, я думала о том, что если брать во внимание странное поведение волков, которые по законам логики, до которых тут явно никому дела нет, должны были съесть меня одной из первых, нет пока ни одной причины утверждать наверняка, что все это не моя фантазия. Точнее, нет, есть, конечно, бытовые условия тому доказательство, но все же я не могла полностью исключить вариант, что, может быть, это все просто предсмертная агония моего погибающего мозга. Я слышала про сны во снах, где человек думал, что это реальность, а оказалось сон, может быть, у меня то же самое? Может быть, еще чуть-чуть и я проснусь? Другой вопрос, что я уже столько раз спала тут и просыпалась тоже тут! Когда, интересно, должен случиться этот вожаденный переход?

А главное, что меня злило на данный момент, если это сон или, допустим, это не сон, а реально мир какой-то другой и странный, хотя я очень надеялась, что это все-таки именно сон или еще что-то, но не новый мир! В общем, если предположить, что это одно из двух, где, черт возьми, мои суперспособности?! Почему волки у меня есть, которые исправно

делятся со мной своей добычей, и почему-то не едят меня, даже воют под окнами, когда я плачу, сны странные есть, а возможности наколдовать себе трусы с носками нет?! Я что, так много прошу?

Собирая хвою и заваривая ее в котелке, прикидывая в уме, когда ждать мать-и-мачеху, я поймала себя на мысли, что одна, пусть не волшебная, но суперспособность у меня все же есть благодаря маме и учебе в фармацевтическом институте. Благодаря фармакогнозии, из-за которой я провела столько бессонных ночей над учебниками, я очень много всего знала о лекарственных растениях, и эти знания делали для меня лес не таким уж ужасным местом. Тем более на носу весна, и скоро я разживусь чем-то бóльшим, чем хвоя и кора. Вот тебе и скатерть-самобранка в лесу.

На завершающем этапе выделки шкуры, когда ее нужно было продержать как можно дольше в едком дыму ольховых веток, я дозрела до мысли о бане, точнее, я решилась на эту авантюру. Подтолкнула меня к ней регулярная помывка в ледяном ручье и найденный вдоль ручья сланец, плоский камень, которым можно было бы выложить пол в бане. Осталось только решить, из чего ее сделать, глину для печи я поднаторела брать у ручья, возьму ее и для пола, но не совсем ясно, из чего было делать стены, тем более у меня даже топора не было.

Пока собирала ольховые ветки для шкуры, блуждая вдоль ручья, где она росла, забрела в низину, недалеко от избы и

наткнулась на каменный валун, торчащий из земли. Одна из сторон у валуна была ровной и плоской. Вообще, баню я хотела где-нибудь рядом с домом или с ручьем, чтобы за водой не бегать, но в голове не было ни одной идеи, из чего стены делать, откуда бревна брать, а тут, заметив этот камень, подумала, что не будет особой трудности расчистить землю под пол, выложить в него сланец, который посажу на глину, а потом, насобирав длинных черенков, воткнуть их в землю под углом и укрыть еловым лапником. Этим я и занялась, спеша к финалу выделки шкуры.

Сначала насобираала сланец, хотя его потребовалось немного, все же место под костер и камни для пара я им выкладывать не стала, чтобы не потрескался от температуры, повозиться все же пришлось, перетаскивая камни и раскалывая их на пластинки потоньше. Потом расчищала место под пол от веток и прошлогодней листвы, выравнивала как могла основу, немного углубив ее в почву, и сделала небольшую канаву под слив, а потом долго возилась с глиной. Процесс выкладки сланца в глину и замазывание щелей был достаточно медитативным и приятным, отвлекающим от происходящего вокруг, особенно радовало то, что такой пол напоминал мне цивилизацию и сразу хотелось что-нибудь сделать из него возле дома. Ковырялась я с ним до вечера, периодически бегая к избе и проверяя шкуру. Волки крутились вокруг, но близко не подходили, потому что натыкались на мой свирепый взгляд.

Сох пол дольше, чем я планировала, в какой-то момент я даже испугалась, что он так и не просохнет из-за влажной после зимы почвы, но на третий день глина затвердела достаточно сильно, чтобы ходить по полу и не переживать, что он потрескается или плиточник² промнет его вглубь. За время, пока пол сох, я решилась зайти чуть глубже в лес, не с той стороны, где ручей, а с противоположной, где баня теперь моя, и там насобирала крепких веток и наломала черенков, которые воткнула вдоль пола и под углом прислонила к каменному валуну. У самой его высокой части вполне можно было стоять, не сгибаясь. Пришлось, правда, потрудиться в поисках подходящих камней для пара. Из ручья страшно было брать, мало ли расколются под высокой температурой, поэтому искала сухие и аккуратные, а таких в лесу в начале весны, когда снег еще не везде сошел, было немного, но на небольшую пирамидку нашлось.

Долго ковырялась с местом для костра и сбором лапника, в итоге набрала столько, что хватило еще на избу. Предвкушение скорой помывки, подготовка отваров из молодых побегов хвойных деревьев для волос и тела заставили почувствовать себя счастливой. Ко всему прочему расчистила дорогу от дома до бани от кустов и веток, а еще не пожалела, что, пока делала пол, заморочилась и сделала в земле небольшое углубление для воды. Выкопала его, как смогла, по бокам обложила сланцем и до поздней ночи носила глину, покрывая стенки ею.

Уверенности в том, что она высохнет и получится в нее наносить воды, особой не было, но стоило постараться, потому что у меня было всего одно ведро и то худое, я его латала глиной, но это не помогало, точнее, помогало на время, соответственно, нужно было набрать куда-то воды так, чтобы было чем мыться. За три дня затвердел не только пол, но и эта земельная чаша, конечно, для полноценной помывки нужно было бы сделать ее поглубже, чтобы воды поместилось больше, но у меня уже на это просто не было сил.

В избе я уже и так убиралась множество раз, но сегодня, перед тем как расстелю свой драгоценный артефакт, еще раз вымела пол, навела порядок на полках, подбросила в печь полена и, подпрыгивая от радости, пошла снимать шкуру, которую три дня держала в дыму ольховых веток, надеюсь, теперь, за счет дерева, она не будет так вонять. Ну или будет, но костром. На это я согласна. Вообще, в планах было попариться в бане и потом сутки спать, но не хотелось себя торопить, поэтому баню я отложила на завтра, а в оставшееся время, пока было светло, решила еще раз убраться, чтобы расстелить, наконец, шкуру, на которую потратила столько времени и которая все же радовала меня тем, что не задревенела и не загнила, получилась достаточно мягкая и, скорее всего, очень теплая.

Притоптав костер, я сняла шкуру со стоящих пирамидкой палок и поволокла домой. Шкура была огромной, чтобы ее размять, мне пришлось очень попотеть, но теперь зато она

была мягкой и не окоченела. Накинув ее на плечи, я обалдела от того, как тепло под нею сразу стало. Даже стало жаль бросать ее на пол, я его, кстати, протерла перед этим, но хотелось поваляться на полу у печи. Если что, заберу ее потом в свою кровать.

Так и сделала. Расстелила шкуру, закрыла дверь и завалилась сразу на нее. Впервые за долгое время я чувствовала себя по-настоящему счастливой: мягко, тепло, завтра баня. Что еще нужно для счастья? Я даже подумывала перенести несколько тряпок из-за кровати и лечь сегодня спать перед печью на шкуре. Пока валялась на полу, смотрела на «потолок». Точнее, потолка тут не было, была крыша, и половина ее, та, что над печью, была устлана досками. То есть такой второй мини-этаж, с него торчало сено. Не знаю, откуда оно тут взялось, наверное, так пытались утеплить, хотя зачем утеплять только половину избы? Может быть, сено там для животных держали? Но никаких признаков развода скота вокруг дома не было, ни сарая одного, ни каких-нибудь скелетов или черепов коров, ничего вообще. Может быть, спал кто-то там наверху? Но как они забирались так высоко?

Покусав губы, я не справилась с любопытством и решила все же попробовать. Передвинула банки на то место, где они стояли, когда я тут появилась, ближе к противоположному краю, забралась на стол и задалась вопросом, какого лешего я столько тут торчу и до сих пор не додумалась вообще просто встать на стол, чтобы посмотреть, что там наверху? Чер-

дак мне был на уровне шеи, даже чуть ниже, когда я встала на стол. На первый взгляд ничего там примечательного не было. Просто закуток под крышей, устланный примятым сеном, под самой крышей осыпавшиеся веники с травами. Я даже подумала бросить это дело и никуда не лезть, там явно кто-то спал раньше, сено было примято, но мне все же не давало покоя любопытство, и я решила забраться внутрь. Наверху было как-то спокойнее, чем внизу, даже если кто-то заберется в избу, наверху не сразу меня найдут, может быть, стоит пересмотреть место для сна и спать наверху, а не внизу за печкой? Чем дольше я валялась на шкуре и смотрела на потолок, тем больше мне не давал покоя этот странный чердак. Зачем там это сено? Даже если бы тут были животные, брать сено из дома было бы не очень удобно, осыпаясь, оно бы наводило бардак. Потом я присмотрелась к полкам и поняла, что они закреплены так, что было бы вполне удобно забраться по ним на этот чердак. Может быть, это неочевидный способ и придется постараться, чтобы не свалиться, но стоило бы попробовать.

Поставив ногу на одну из полок, я нажала на нее несильно, проверяя, крепко ли она держится. Убедившись в безопасности, полностью встала на нее, ухватила за одну из балок под потолком и неуклюже закинула колено на чердак. Вообще, в середине этого процесса, когда я не поняла, как мне дальше лезть, я подумала, что это все, кажется, плохая затея, но я оказалась уже в такой позе, что проще было бы всё-та-

ки залезть на чердак, чем спускаться обратно. Визуально это казалось мне чем-то легким, пока я не попробовала.

Сердце взволнованно ускорило бег. Сев, я развернулась к подушке и осторожно потянула на себя охапку сена, оно было достаточно плотно утрамбовано, и как только я взялась за него и потянула на себя, оно сползло с черного свертка единым полотном. Кряхтя, как старая бабка, и поцарапав руку у локтя, я таки забралась на этот чертов чердак. Нет, спать я тут точно не буду. Так и убиться недолго, карабкаясь на него. Как с него спускаться с моей ловкостью, вообще непонятно. Расстроенная, я пошарилась по чердаку, ничего не нашла и перед спуском обратно решила прилечь. Около стены, там, где логичнее всего было положить голову, лежала охапка сена, которая явно служила подушкой, на нее я свою макушку и пристроила, почти сразу почувствовав, что что-то не так. Сено было неоднородным, что-то твердое упиралось в затылок сбоку.

Не знаю, что за паника на меня накатила, но я почему-то испугалась. А вдруг хозяин этой избы и этой вещи вернется? Мне всегда казалось, что тут слишком давно никто не живет, но эту вещь словно бы вчера кто-то оставил тут. Хотя нет, конечно, не вчера, просто она лежала под сеном, поэтому непыльная, просто это кто-то прятал то, что я нашла, и он не хотел, чтобы это нашли. В общем, я сама не знаю, что меня так напрягло. Мне просто не нужны никакие проблемы. Не дай бог, там какая-нибудь ерунда, из-за которой у

меня будут проблемы. С другой стороны, какие еще проблемы кроме тех, что у меня уже есть? Кто-то отберет у меня эту избу? Я почувствовала себя Машей из сказки три медведя, только те все никак не возвращались из леса, а если бы вернулись, нашли бы шкуру своего собрата... М-да... страшная какая-то сказка выходит.

Тряхнув головой, я решила, что хуже уже не будет, а мне нужно поменьше думать. Подобравшись ближе к краю, где посветлее, я развернула сверток и обомлела. Еще до того, как я поняла, что это за черная тряпка, из нее вывалился кинжал в красивых ножнах с золотом и камнями, гребень дорогой для волос, не деревянный, а из двух красиво переплетенных между собой металлов: серебро и золото. Золото, словно древесные черенки, тянулось к противоположной стороне и в центре веточками с листьями переплеталось с такими же серебряными, только серебряные ветки были без листьев. Тонкая и искусная работа.

Я долго крутила его в руках, а когда взяла в руки, мне показался он теплый. В самом центре, среди переплетающихся веток, красный камень, в который, если долго вглядываться, казалось, что в самой его глубине что-то светится, но то лишь казалось, никакого света камень не давал. Налюбовавшись, я положила гребень на коленку, боясь, что если отложу его слишком далеко, он исчезнет, и переключилась на кинжал и две длинные шпильки.

Кинжал был длинным, размером от запястья до моего

локтя, с крепкой и удобной ручкой, он явно крепился к ремню, потому что остались две шлейки, которыми можно было его завязать. Вытащить его удалось не сразу, но когда вытащила, открыла рот от изумления. Такой красоты даже с нынешними технологиями я не видела. Безупречный металл сиял, а лезвие даже сейчас оказалось острым. На одной стороне у самой рукоятки был выгравирован бегущий волк, а на другой — летящая ворона. Странный, конечно, декоративный элемент, но, как известно, на вкус и цвет товарища нет. У каждого свои причуды.

Покрутив кинжал в руках, я вернула его в ножны, но потом почти сразу вытащила снова. Все же странно, конечно, почему волк? Почему не устрица, например? Или кальмар, или кот? Почему волк? Да еще и явно белый. Не знаю, с помощью чего они передали цвет, но видно было, что волк светлый, а ворон черный.

Блуждая пальцами по гравировке, я унеслась далеко от дома, в снежные поля, по которым неслась вместе с волками, порой мне снилось это, из раза в раз почти одно и то же.

Вернув кинжал в ножны, я переключилась на шпильки. Одна золотая, другая серебряная, на одной волк, на другой ворон. На концах шпилек, в том месте, где они утолщаются, головы: на серебряной - воронья, волчья на золотой. Хотя я бы волков на серебряную поместила, так бы лучше смотрелось, но кто меня спрашивал? Тонкая искусная работа, волк в пасти держит цепочку, на которую нанизаны кристаллы, а

ворон — веточку. Все это было таким красивым и необычным. И таким удивительно привычным. Чем дольше я держала в руках эти вещи, тем больше мне казалось, что они мои. Хотя, вероятно, это просто моя жадность. Конечно, какой дурак в моих обстоятельствах откажется от такого сюрприза, но почему-то оттого, что я нашла эти вещи, мне стало как-то хорошо. Не в смысле, что у меня теперь по сути есть и заколки, и расческа, что в моей ситуации настоящий подарок, волосы тут я расчесывала пальцами, а в том, что я почему-то была странным образом рада. Словно нашла что-то, что давно потеряла, и это чувство даже вызвало смутную тревогу, настолько осязаемым оно было.

Спрыгнув со стола и задвинув его на место, я вернулась к своим находкам. При свете огня из камина они сияли еще ярче. Раздался волчий вой за окном, видно, набегались, кого-то сожрали и теперь примчались под мои двери. Молодцы. Почему-то я всегда ждала, когда волки вернутся. С ними ложиться спать было спокойнее. Отложив заколки с кинжалом в сторону, я, наконец, развернула то, во что они были завернуты. Черный, обшитый изнутри бархатом, кожаный плащ, точнее, не плащ, а накидка с глубоким капюшоном и серебряной застежкой в виде волчьей головы. Он был настолько тяжелым, что когда я вытащила его за пределы чердака, держа в одной руке, та напряглась от тяжести, долго такое держать в одной руке трудновато. Плюс длина приличная. Сбросив его на шкуру и побросав туда же все свои на-

ходки, я спустилась вниз, уже не особо боясь, что навернусь, а торопясь примерить плащ или накидку, не знаю, как это называть, потому что в ней не было рукавов, но был капюшон.

Примерив плащ, я поняла, что он гораздо длиннее, чем я думала, то есть я думала, что он под мой рост, но нет. Это явно на мужчину, гораздо шире в плечах и выше. Станный, конечно, набор: женские заколки, кинжал и мужской плащ или тут женщина-викинг жила? Хотя изба явно не под такого рослого человека, он бы тут макушкой все балки собрал.

В любом случае, что об этом думать? Теперь это все богатство мое, расчесав наконец нормально волосы, я, как и планировала, легла спать не за печью, а перед ней на своей шкуре и укрылась этим плащом, так тепло и хорошо мне тут не было ни разу, еще и спала как убитая без всяких снов.

Глава 10

Выспалась на свою голову! Эти волки как дети! Честное слово!

Сладко потянувшись и наконец, выпавшись, я как нормальный человек расчесалась! Испытала прилив счастья, что у меня теперь и заколки, и расческа! А ща я еще как помоюсь, голову наконец-таки помою тем, что наварила и просто можно вознестись на небеса...

Собрав все свои скребки, мочалки и отвары, я решила собраться и сходить, растопить баню, чтобы камни успели прогреться к моему приходу, все необходимое в бане для растопки я собрала еще вчера, теперь отнесу заготовленное. Долго думала идти в плаще или без плаща, но решила без него, чтобы не испачкать, потому что он слишком длинный, будет волочиться по земле.

Поставив глиняный кувшин в печь, чтобы согреть воду на чай, довольная собой и всеми своими первобытными приключениями для первобытных быти-процедур, вышла из дома и почти сразу заподозрила неладное! Во-первых, возле дома валялась только одна волчья тушка, а во-вторых, та подорвалась как-то тревожно и испуганно со своего места, как только я вышла из дома и отбежала на безопасное расстояние. Обычно все они утром валялись около моей двери, и мне приходилось пробираться через них, чтобы добраться до

туалета, в который кто-нибудь меня обязательно провожал, а то мало ли я по дороге до кустов потеряюсь. Я, правда, сделала себе теперь более менее комфортный туалет. Комфортным он был, потому что меня в нем было не видно, вот и весь комфорт.

В общем, прищурившись, я присмотрелась к паршивцу, тот поджал хвост и отвел взгляд. Очень мне это напоминало одного из нашкодивших недорослей, который как бы пытался сказать «я тут ни при чём, я вообще возле дома спал». Сердце тревожно сжалось в груди, а филей начал подгорать от гнева, но пока не полыхал, потому что я еще не узрела, что случилось. Пока я бежала до бани, я молилась, чтобы мое предположение не оправдалось, но стоило мне приблизиться, как я поняла, что интуиция меня не подвела!

Эти мохнатые параси, все эти дни кружившие вокруг бани, но боявшиеся подойти, дождались, когда я уйду, решили исследовать новую конструкцию и все, вероятно, засунули туда свои линияющие по весне морды! Вся баня, со всех стороны была в их белой шерсти и ладно бы только это! Так, один из паскудников, забрался в баню и прямо там задрях! Причем весь он не поместился, потому что габаритов был нетипичных и задница его мохнатая торчала из бани. Дверца, над конструкцией которой я долго корпела, перевязывая по несколько раз несущие ветки в нужном положении, валялась в нескольких метрах от бани, и на ней спал еще один бессовестный.

Хорошо, что я прихватила с собой самодельную метлу. Прямо как чувствовала, что она мне пригодится. Я, кстати, затрудняюсь сказать, зачем именно я ее сделала из кривой палки и веток, чтобы дом мести или волков ею шугать, и то, и другое я делала одинаково регулярно.

Перехватив метлу поудобнее, я медленно подкралась к спящему в моей бане парасю. Дружки его, заметив меня, сразу разбежались в разные стороны, их отлупить бы уже не вышло, но этот, самый главный, мне за все заплатит.

Он, кстати, тоже не будь дурак, услышав шорох, заподозрил неладное и даже попытался подняться на ноги, но прежде чем он выбрался из бани, теперь больше напоминающую волчью часальню, я от всех душевных щедрот приложила его метлой по заднице.

О том, что сделала я это зря, стало ясно почти сразу, когда, перепугавшись этот горный козел вместе с моей баней на закорках ломанулся в лес. Я не знала, за что мне хвататься: за голову, баню или за метлу. В том месте, где стояла баня, остался только один черенок, который он не выдернул и пол... не помня себя от ярости, я бросилась следом.

Вся волчья стая, как видно, решила эмигрировать вместе со своим собратом, и все они неслись вслед за ним, попутно оставляя остатки стен моей бани на кустах. Теперь я поняла, откуда взялись все эти сказки про Бабу-Ягу! Это просто уставшая женщина, которая в диких условиях леса пыталась помыться!

Всё-таки жаль я не Гарри Поттер и не Баба-Яга! Будь я кем-то из них, я бы их точно догнала и отходила бы своей метлой каждого! А так, ослепленная яростью, я неслась по лесу, пока меня, что-то не толкнуло остановиться. К тому моменту я уже начала остывать и замедляться, понимая, что, кажется, забежала куда-то не туда, но все еще по инерции бежала вперед.

Я старалась далеко от дома не отходить, а если и ходила, куда-то исследуя пространство, то вдоль ручья, так чтобы по нему же потом вернуться обратно, но даже так отходила не очень далеко, потому что темный и густой лес пугал. Каждый раз, заходя все дальше, меня не покидало ощущение, что я ныряю в плотное безвоздушное пространство, вязкое и темное, словно желе.

В некоторых местах деревья казались почти черными, я сначала думала, что это копоть от пожара, но потом ощущение проходило, возможно, мне показалось, потому что пространство со временем светлело, возможно, потому что я ходила туда в то время, когда солнца не было, а оно в целом редко появлялось, в основном унылый белый свет, с затянутого облаками неба.

Как только я остановилась, я мгновенно поняла, куда смотреть не надо. Просто кожей это почувствовала, словно бы, если я не обернусь, я не увижу, а значит, ничего нет. Еще не разобравшись, что это, я уже не хотела на это смотреть. Почти сразу же мне потребовался весь мой рациональный

ресурс, чтобы опровергнуть собственные ощущения и отогнать страх.

Конечно, немудрено испугаться, во-первых не знаю, где нахожусь, во-вторых, тут очень густая чаща, деревья как будто бы выше и стоят теснее друг другу, поэтому вокруг темнее. Оттого, наверное, так тревожно и все сжимается внутри. Хотя это, скорее всего, из-за того, что я просто отбежала от дома слишком далеко и боюсь заблудиться.

Не совсем понятно, почему мне не надо смотреть направо, но просто лучше не смотреть. Развернувшись налево и отводя взгляд, я направилась в обратном направлении и только сделав первые шаги и услышав треск ветки под ногами, поняла, какая тут оглушительная тишина стоит.

Застыв, я прислушалась, и мне показалось, что есть только я и мое сбившееся дыхание, которое заглушило все вокруг, но так ведь не может быть? Это ведь лес, он дышит, постоянно скрипит и шуршит. Не может быть в нем тишины. Нужно было уносить ноги, потому что странно, то, на что я не смотрю странно...

Ладно, это все ерунда. Я сама себе напридумывала, и сама же испугалась. Сделав еще несколько оглушающих шагов, я остановилась, потому что мне показалось, что то, на что я не смотрела, волочилось следом, совсем не отдалившись от меня. Но это я себе, конечно, внушила, в одиночку в лесу, во что только не поверишь, а раз так бояться нечего. Сжав кулаки и сцепив зубы, я заставила себя обернуться.

Темная, вросшая в землю изба. Я даже не сразу поняла, что это темная куча именно изба, настолько темной была древесина. В первое мгновение мне показалось, что это какой-то огромный, застывший панцирь или дикобраз гигантский, потом я подумала это валун, но присмотревшись, поняла, что это изба. Почти такая же, как моя, только у меня окно в другом месте и меньше. Крыша кое, где провалилась внутрь, а вокруг кривой забор, словно кто-то втыкал в землю палки.

Я, кстати, хотела сделать также, чтобы иметь какое-то подобие палисадника, где волки не будут валяться, и я высажу полезные растения, которые найду, но в моей голове идея с забором выглядела мило, а тут она больше напоминала кривые пальцы с когтями торчащими вокруг избы. Одно из них проросло в тонкое кривое деревце, странно изогнувшись, оно тянулось ввысь, пока не погибло, не достигнув и половины той высоты, которая нужна, чтобы дотянуться до солнца. Памятником самому себе, оно возвышалось над избой, чем-то напоминая длинный серп, воткнутый в землю.

Чувство нарастающей тревоги собиралась в горле, сдавливая его и сползая к груди. Воздух стоялый, будто в закрытой, брошенной квартире был затхлым и пустым. Ни одного звука, не единого движения, только частицы пыли в пространстве, словно я забралась на чужой чердак.

Не шелохнувшись, я таращилась на избу, блуждая по ней глазами, пока морок не разбил резкий хлопок крыльев, вы-

летевшей из провалившейся крыши птицы. Ворона, черная и тяжелая взмыла вверх, натужными хлопками длинных крыльев словно бы с трудом, подбрасывая себя вверх и поднимаясь к вершинам деревьев.

Птичий крик подстегнул, и, окончательно сбросив с себя оцепенение, я бросилась бежать. Неслась, не разбирая дороги и не оглядываясь. Никаких мыслей в голове и аргументов, забыв обо всем, я сама не зная, куда неслась, испытывая необъяснимое состояние ужаса, превращавшее сознания в зияющий белый лист.

Я неслась до тех пор, пока не выбежала к ручью. Причем выбежала в незнакомом месте, тут я еще не была. Покрутившись в разные стороны, я решила все же бежать налево, и чуйка меня не подвела, знакомая возвышенность показалась спустя какое-то время и уже рядом с ней, пропало ощущение, словно кто-то дышит мне в затылок.

От макушки по шее к спине, бежали мурашки, а волосы словно бы дыбом на затылке стояли. На одном дыхании перепрыгнув через ручей, пронеслась стрелой оставшийся отрезок до дома и ворвавшись в избу, захлопнула дверь. Сердце набатом билось в груди.

Оказавшись в избе, я испугалась, почему так темно? Тело среагировало на опасность мгновенно, и я шарахнулась в сторону, решив, что что-то происходит, раз так темно, но споткнувшись об лавку и метлу я, вскрикнув, свалилась в угол и полбу мне прилетело метлой, при мысли о которой,

я похолодела.

Я же вроде с ней бежала за волками? Разве нет? Меня прошиб холодный пот, и, сжав рукоятку метлы, я неизвестно сколько просидела в углу, боясь любого шороха, пока вдали не послышался волчий вой. Как только он раздался я словно бы, наконец, смогла вдохнуть.

Может, я не с метлой тогда бежала? Может, что-то другое схватила и перепутала? Судя по звукам, волки приближались, и я успокаивалась, осознавая, что так темно дома, потому что уже почти ночь, еще и печь погасла, без понятия, сколько теперь времени потрачу на разведение огня, с этим у меня большие проблемы, поэтому я старалась не давать печи погаснуть.

Как только волки прибежали, я открыла дверь и они шуганулись в сторону, смотря на меня виновато и поджав хвост. Значит, беготня за ними и разрушенная баня мне все же не привиделись, но где я была весь день? Не могла же я сутки там проторчать? По ощущениям прошло не больше часа, максимум двух.

- Придурки. – Буркнула я на волков, не закрывая дверь, чтобы не так страшно было. Они свои носы любопытные по очереди стали засовывать в избу. – Догоню вас в следующий раз и отмудохаю, мало не покажется.

Достав дощечку, сено и опилки, села на лавку, зажала ту между ног и принялась крутить палку, в надежде, что удастся развести огонь. В процессе накатили слезы и очередная пор-

ция жалости к себе, в итоге бросила палку, закрыла дверь, но не вплотную, а чтобы щель осталась, через которую развалившихся рядом с дверью волков было видно, те ночью словно бы светились немножко, возможно, из-за луны и белой шерсти и нашарив в темноте найденный вчера плащ, укрылась им так, чтобы одно лицо торчало, сжав в руках кинжал.

Спокойной ночи мне.

Глава 11

Терпкий запах трав и знакомый голос. Смех. Обрывки фраз. Я вслушивалась и все никак не могла понять, о чем речь. Не хватало совсем чуть, чтобы ухватить суть, та словно струйка дыма, забивала рецепторы, но выскальзывала сквозь пальцы, неуловимая, но осязаемая.

Прикрыв глаза, я шла на голос, он становился все громче и требовательнее. Потом я начала различать, это не один голос, а два. Один ниже и тяжелее, другой выше и тоньше. Вскрик, удар и тишина. Оглушающая, поглощающая пространство тишина.

Я распахнула глаза.

Изба.

Все смолкло. От тишины звенело в ушах. Возможно, этот звон всегда был со мной, но тут, в полном отсутствии звука, он остался единственным звуком во всей вселенной.

Все та же изба, только свет сквозь деревья желтый, но не солнечный. Выцветший и усталый. Все показалось еще более не живым и мертвым, чем было в мой первый визит. Кто-то выкрутил контраст: свет ярче, а деревья толще и чернее. Странные, утратившие плавность линий ветви, стали толще и острее. Этот странный парадокс меня так заинтересовал, что я не могла оторвать взгляд от ветвей, продолжая всматриваться, пока кто-то не моргнул и я не поняла, что это не

ветви черные, это на них нет места от птиц.

Множество глаз заблестели моргая. Как странно... Почему я сразу не увидела ворон? Их же тут тысячи! Взгляд, словно объектив камеры, крутился по сторонам, раскачивая вселенную, только я была не в кадре. Я была единственным свидетелем этой жуткой пленки немого кино. Оглядываясь по сторонам, я в ужасе осознавала, что все ветви, всех деревьев, забиты воронами. Что-то сдерживало их. Возможно отсутствие звука.

Идиотское предположение, оправдалось.

От одного неловкого шага назад, сухая ветка под моей ступней треснула, и с нею вместе, треснуло пространство. Из глубины разрушенной избы раздался пронзительный птичий крик, и из дыры в крыше, снова вспорхнул тот самый здоровенный ворон.

Продолжая оглашать своим воплем пространство, он также тяжело взлетел вверх, и стоило ему подняться выше, как все, что сидело на деревьях пришло в движение, забурлило и загудело, а потом с оглушающим криком ухнулось вниз. Их стало так много, что собой они перекрыли всякий свет.

Отбиваясь от них, я бросилась бежать, не разбирая дороги. Выбежала к ручью, и, споткнувшись, свалилась в него, не сразу заметив, что вся вода в нем красная.

Закричав, я проснулась. Просто распахнула глаза и резко села в постели. Все тело колотило. Стерла пот со лба за-

пястем, и неуклюже преодолевая сонное оцепенение, выбралась из-за печи. Странный сон. Чего только не приснится в этой глуши.

Печь холодная.

Остыла.

Я вчера так и не разожгла огонь. Раздражение потеснило страх, толкнув дверь, чтобы пустить свет в темную избу, я застыла.

У порога, раскинув крылья, валялась черная ворона.

А за ней еще одна.

А потом еще.

В избе резко стало светлее. Я обернулась.

Крыша провалилась. Сквозь дыру шкуру медведя освещал знакомый желтый свет.

Внутренности сдавило, я не смогла вдохнуть. Попятившись, я почти вышла из дома, но запнулась о стрелу, торчащую из груди лежащего на пороге ворона. Где волки? Тут была стрела?

Хватая воздух ртом, я отползла от избы, во все глаза смотря на нее и понимая, что я внутри той развалины от которой сбежала! Теперь она казалась просто огромной. Наткнувшись на очередную дохлую ворону, я вскочила на ноги.

Они были повсюду.

Все, что сидело на ветвях, теперь валялось вокруг моего дома. Или все же не моего? Зато теперь был звук. Сердце колотилось в горле, и его гул эхом отражался в ушах. Резкий

свист — и стрела из черной лесной глубины вонзилась в сидящего на крыше единственного живого ворона. Тот с тихим хлопком свалился к моим ногам.

Очнувшись, я снова бросилась бежать. Больше никаких ворон, только свист стрел, летящих в спину и впивающихся в землю.

Удивительно я выбежала к ручью. Никакой крови, знакомая часть ручья. Где-то рядом мой дом! Надежда затеплилась в груди, и несмотря, на сбившееся дыхание, я прибавила скорость. Вот и яма у ручья знакомая, я в ней глину для бани копала, там же скребок, которым я это делала. Осталось подняться на возвышенность и там мой настоящий дом.

Дома не было.

Пустота.

Никакой избы. Одни деревья и люлька там, где дом. Я подошла к ней, а в ней белые щенки. Я не поняла живые они или мертвые, наклонилась к ним и на их белую шерсть закапала кровь. Вскинув голову, я подумала это откуда-то сверху, но там ничего не было. Ведь капало из моей груди. Вся спина была в стрелах. А я думала, что не поймала ни одной... оказывается, я собрала их все.

Снова вороний крик. Резкий. Бьющий кувалдой по нервам. Резко вдохнув, я распахнула глаза. Я спала не за печью, а перед ней, на медвежьей шкуре, из-за приоткрытой двери тянуло холодом. Крик за окном продолжался. Резко обернувшись на окно, я заметила бьющуюся в стекло воро-

ну. Ужас и ярость схлестнулись во мне одновременно. Вскочив на ноги и выронив кинжал, который держала всю ночь в руках, выскочила на улицу, прихватив с собой метлу.

К счастью, на земле никаких ворон не было, одна только полоумная билась в мое стекло. Приступ бешенства после такого ужаса, выключил всякий страх вместе с благоразумием и, размахнувшись, я засандалила по стеклу. Не знаю как то не разбилось. Оглушенная ворона свалилась на землю, но не отключилась, а побежала, волоча крыло за собой. Вознамерившись ее добить, я лупила по ней метлой, та подпрыгивала и спасалась от моего самодельного оружия.

- Я вас всех тут перебыю! – Шипела я не хуже самой злобной ведьмы из самой страшной сказки. – И избу эту сожгу, как только огонь разведут! – Угрожала я то ли ей, то ли фиг его знает кому.

Ворона на каждую мою реплику недовольно крякала, пока получив по хвосту метлой, не взлетела и не уселась на крышу.

- Свали с моей крыши! – Слепив снежок из остатков не дотаявшего снега у дома, запустила им в птицу, но так как я по жизни косая, конечно, я в нее не попала.

Поймала себя на том, что смотрю в ту часть леса, из которой прилетела первая стрела и сбила птицу, что, как и во сне сидела на крыше.

Показала средний палец лесу. Специально подошла поближе к той стороне и показала. Потом вороне. Потом на

всякий случай обошла весь дом и по кругу, показала во все стороны. А то мало ли кто-то не разглядел. И заклинание из трех букв и одной гениталии прочла. Сразу как-то поспокойнее стало.

Если бы огонь в печи не погас, я бы действительно поперлась жечь эту избу, настолько я была злая. Мохнатых вырождков тоже нигде не было, так бы еще раз отлупила их за свою баню. Кто-то должен был за все это ответить. Хотя во всем этом, конечно, виноват Влад! Если бы не этот придурок, меня бы тут не было!

Я снова вспомнила этого ублюдка, в цепкие руки которого попала, потому что слишком легкомысленно к нему отнеслась и рано списала со счетов. Разница в четыре года и первые неудачные попытки выстроить со мной коммуникацию, усыпили мою бдительность, и это сыграло ему на руку.

Телефона у меня тогда еще не было своего, хотя это в тот момент уже не было какой-то особенной роскошью и очень хотелось закрыть этот пробел, и не только по этой причине, я устроилась в аптеку, в ночную смену. День через два.

Изначально мне показалось, что с учетом моей бессонницы, это отличный график. Стоит перенервничать, как я потом не сплю ночами, забываясь коротким полусном полувью под самое утро. И момент, который Влад выбрал, чтобы объявиться в моей жизни, был как раз таким. Впереди был последний учебный год, защита диплома, преддипломная практика, а дома полный швах.

Благо у меня была возможность жить в общежитии, но потом возвращаться было некуда. Квартира, в которой мы были прописаны, наполовину принадлежала тетке. Они обе владели этой квартирой, но мама из-за работы почти пятнадцать лет отсутствовала, живя в служебном жилье, а потом мы снова вернулись туда, откуда уехали, и, конечно, это не очень обрадовало тетю и ее нынешнего сожителя, проводящего свое свободное время, а его у него было много, потому что он не работал, за распитием огненной воды собственно приготовления.

Трешка, большой зал и две малюсенькие комнаты, в одной из которых ютились мы с мамой. За пятнадцать лет квартира пришла в ужасное состояние. На первом курсе мы с мамой пытались привести ее в божеский вид, даже совершали попытки сделать косметический ремонт, но достаточно быстро поняли, что это плохая идея, точнее, не плохая, а бессмысленная, потому что на новые обои в зале, стошнило одного из уважаемых гостей бывшего заслуженного работника хлебокомбината спустя неделю, после того, как мы их поклеили. Удивительно, что работающая в институте тетя при этом не подавала никаких признаков жизни в подобных условиях и с таким человеком. Я просто восхищалась ее мастерству пускать пыль в глаза.

Мама еще какое-то время жила в городе, в котором я выросла, но потом, то ли попала под сокращение, то ли без меня ей там тоскливо стало, и она уволилась. Спустя год она

сама выпроводила меня в общежитие, хотя изначально была категорически против моего там проживания, а через два года перебралась ко мне.

Поначалу в особенно бурные попойные сезоны, тайком ночевала в моей комнате. Соседка моя нашла себе парня, у которого было свое жилье, и частенько пропадала у него, мы ее всячески покрывали, потому что всем было на руку сложившееся положение вещей, а потом мама сдружилась с комендантом и устроилась к подружке своей новой напарницей. Той тоже негде было жить, а в комендантском блоке было место. В одном блоке четыре комнаты и одна кухня. Почти все комнаты заставлены барахлом: кровати, тумбы, плитки, какие-то коробки, но мама вместе с тетей Машей разобрала одну из комнат, не без помощи двух провинившихся студентов, регулярно приходящих после закрытия общежития. Те вынесли кровати, запихнув их поплотнее в одну из комнат, а мама с напарницей из того, что было, обустроили себе уютное жилище.

Помница я тогда удивлялась, как из ничего, они создали такой уют, теперь я думаю, как можно не создать уют там, где есть вода, свет, туалет и теплая батарея?

Поначалу мама там нечасто оставалась, но в итоге привыкла, договорилась с руководством и на квартиру почти не возвращалась, но когда я закончу учиться, оставаться в общежитии, в отличие от мамы, мне будет нельзя. Так что вопрос с жильем стоял остро и я, и мама копили, но на мизер-

ную зарплату вахтера и стипендию, пусть даже повышенную, за хорошую учебу, накопить ничего не выходило. Я не без оснований подозревала, что той зимой, нам бы пришлось делить одни зимние сапоги на двоих, поэтому когда подвернулась работа с хорошей зарплатой, пусть и на другом конце города, я ухватилась за это предложение, рассудив, что с моей бессонницей мне это даже на руку, буду сидеть, готовиться к учебе, да и график один через два показался заманчивым.

Заманчивым он был до первой рабочей смены. Ночь в плохо отапливаемой аптеке, в которую за разными дешевыми настойками регулярно наведывались кадры, у которых не хватало денег на алкоголь, а потом, после этой по ощущениям бесконечной смены я отправилась на полноценный учебный день в институт. Тут-то я и поняла, почему зарплата за ночные смены выше и почему мама меня от этой идеи отговаривала, но я все же решила не бросать и осталась в аптеке, тем более взять себя за шкурку и учить, я могла в любых условиях, а мне предстояло очень постараться еще и, потому что мама вознамерилась запихнуть меня в аспирантуру. Точнее, не она, а мне предложили продолжить учебу дальше, и стоило мне заикнуться об этом маме, как глаза ее загорелись знакомым жадным огнем, и я поняла, что мы уже согласны.

Не знаю, возможно, тому был виной недосып, возможно, долгие бдения на остановке рано утром и поздно вечером, но я постоянно болела, и дни слились в одно какое-то серое пятно. Сейчас мне даже трудно было вспомнить, когда имен-

но в моей аптеке нарисовался Влад. Судя по тому, как он удивился, визит этот был незапланированный.

На улице лежал снег, значит, это, скорее всего, была зима. Ни он, ни я, когда он появился, не обратили внимания друг на друга. Я сидела, упершись лбом в прилавок, на маленьком стульчике и читала очередной талмуд толщиной с мое запястье, а он припорошенный снегом, заскочил в аптеку, потопал на коврике, сбивая с ботинок снег, и без всяких обиняков, истребовал с меня свечи от запора и леденцы от кашля.

Еще до того как я оторвала лоб с отпечатком угла от прилавка, я узнала его голос. Стало смешно и неловко. Глаза забегали по полкам, в поисках какого-то красивого решения в этой неловкой ситуации, но ничего кроме фразы: «Будешь сосать и тужиться?» Мне в голову не пришло. С трудом прикусив язык, чтобы не брякнуть то, что меня рассмешило еще больше его покупки, я оторвалась от прилавка и посмотрела на него. Немая сцена должна была бы быть увековечена в памяти, потому что я тогда впервые в жизни увидела на его лице румянец.

- Я...кхм...я за презами, пришел.

- Зачем? – Кусая губы, чтобы не улыбаться, уточнила я и явно смутила его еще больше.

Он снова откашлялся. Глаза бегали по прилавку, но неизменно примагничивались ко мне, пока не прилипли окончательно. Наклонившись, он заглянул в полукруглое окошко

из металлической решетки и произнес по слогам: — За презервативами.

Щеки припекло. Он смотрел на меня, не отводя взгляд, и я, чуть отстранившись, также таращилась на него. В голове был чистый лист. Я забыла, что он сказал. Просто смотрела на него и тонула в его черных, как ночное небо глазах. Неизвестно сколько бы стояло время на паузе, застыв в пространстве между нами, но морок рассеял следующий посетитель. Не сразу разорвав зрительный контакт, Влад отстранился и пропустил вошедшую старушку.

Дойдя до разваленной бани, я плюхнулась на упавшее дерево и прикрыла глаза.

Сумасшедший дом.

В голове крутился рукав его пальто. Он стоял ко мне спиной, пока я пробивала покупку старушке, а когда та ушла, снова наклонился к окну. Бросил смятую купюру на блюдце и попросил то зачем изначально пришел.

- А как же презы? – Не удержалась я.

- Думаешь, они нам уже нужны? – На его лице растянулась ехидная улыбка.

- Придурок. – Бросила я, выставив его покупки и отсчитав сдачу.

Он забрал только покупки.

- Другой работы не нашлось? – Уточнил он, прежде чем уйти.

- Тебя спросить забыла.

- В следующий раз спроси, раз своих мозгов не хватает.

Я хотела ему что-нибудь ответить, но, как назло, ничего не придумала, а лицо уже горело то ли от стыда, то ли от злости.

- Сдачу свою забери! – Крикнула я ему в спину, когда он уже выходил за двери.

- На гематоген себе оставь. – Он развернулся и постучал указательным пальцем себе по виску. – Вдруг поможет.

Я бы запустила этой сдачей ему в спину, но между нами было стекло витрины, решетка по всему ее периметру и захлопнувшаяся входная дверь.

Глава 12

Я, конечно, не надеялась, что он больше не появится, но не думала, что придет уже на следующий день. Напарница, передававшая смену, рассказала, про «симпатичного парня», который за два дня пришел четыре раза, утром и вечером, ей про него сменщица также рассказала.

Начав смену, я с тревогой вглядывалась в каждого входящего в аптеку покупателя, с облегчением выдыхая, что это не он, и по множеству раз, воспроизводя варианты наших возможных диалогов и даже в голове, я не знала, что ему сказать такого, чтобы не обидеть, и в то же время он отстал и больше не приходил. В итоге он пришел, а я так и не придумала, что сказать.

- У вас в аптеке с клиентами здороваться не принято? - Засунув руки в карманы, спросил он.

- Добрый вечер. - Выдавила я из себя, сидя на стульчике с книжкой в руках и вкладывая в свой взгляд, все свое недовольство, до которого этому толстокожему дела не было. Без всякого смущения поразглядывав меня как аскорбинку на прилавке он ухмыльнулся и переключился на стенды, бросая взгляд с медикаментов на меня, потом с меня снова на них, я же пыталась читать, но, конечно, ничего не выходило, его взгляд жёг кожу.

Зашёл посетитель, и пока я с ним общалась, мне при-

шлось выйти из-за прилавка, чтобы открыть стоящий сбоку от входной двери шкафчик. Показывая аппарат для измерения давления, каждой клеткой тела я чувствовала его присутствие рядом. Мысли путались, метаясь меж двух якорей и застревая где-то за спиной рядом с Владом, стоящим настолько близко, что это было почти неприлично.

Как назло, посетитель попался дотошный и разговорчивый, пока я ему давление мерила, пока еще два тонометра показывала, он мне всю свою жизнь от рождения до пенсии пересказал, а Влад без стыда и совести дул мне на шею, где короткие волосы немного выбивались из собранного на затылке пучка. От этой идиотской шалости мало того что уши огнем горели, так еще и щеkotно было, я несколько раз дергала плечом.

- Хватит! – Шикнула я на Влада, когда он снова подул.

- Молодой человек, — подслеповатый дедуля заметил наконец двухметровый шкаф за моей спиной. — Может, я вас задерживаю? Вы покупайте, я вас пропущу.

- Нет, нет! — Влад благодушно поднял руки вверх. — Мне тоже тонометры интересны. — Этот клоун положил руку на сердце. — В последнее время сердце так и заходится.

- Ох, ничего себе! — Дед заинтересовался и прилип к Владу. — Такой молодой и уже сердце? К доктору ходил?

Засунув руки в карманы, Влад перекатился с пятки на носок и обратно, смотря на меня.

- Доктор меня не хочет спасти.

- Как это? — Дед даже привстал с табуретки, которую я ему вынесла. — Ты же по полису пришел? Как это?

- А вот так... — Влад дошел со мной до двери за прилавок, которую я захлопнула перед его носом, зло смотря на него из-за двери. — Такие нынче врачи пошли... равнодушные.

- Это да! Полный беспредел! А еще и клятву Гиппократу давали!

- Угу... - Поддакивал Влад, пока я пробивала покупку и молилась, чтобы эти двое вышли уже из аптеки.

Конечно, чуда не свершилось, дед ушел, Влад остался, а я еще и шкаф не закрыла, и тот стоял нараспашку. Влад смотрел на шкаф и на меня, ехидно и многообещающе улыбаясь. Я надеялась, что кто-нибудь зайдет, и я выйду и закрою шкаф, но никто не заходил, а Влад, подстегивая меня, подошел к шкафчику ближе и начал разглядывать его содержимое. Нужно было выйти и закрыть чертов шкаф.

Вооружившись ножницами, в которых зажала ватный тампон, предварительно опущенный в зеленку, я вышла со своим оружием из-за двери.

- Не лезь ко мне! — Как только Влад подошел ближе, я сунула ему свою мазалку под нос. — А то уйдешь разноцветный.

- Вау! Какая женщина опасная. — Он присвистнул и перехватил меня за руку, в которой были зажаты ножницы, потянул на себя, но обнимать не стал. Просто дразнил и, видимо, демонстрировал мне свое физическое превосходство.

Хотелось пнуть его между ног, но я сдержалась. — Пять тебе за креативность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.